

КТ1090787

VOC

АЛЕКСАНДР
РОМАНОВ

РУСЬ УХОДИТ В НАС

Родной областной
библиотеке,
её читателям —
от всей души!

Александр

февр. 1988 г.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

РУСЬ УХОДИТ В НАС

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

КІ-7090787

«СОВРЕМЕННОК»

Москва. 1987

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

РЭ
Р69

+ Кр

Романов А. А.

Р69 Русь уходит в нас: Стихотворения
и поэмы /Худож. Н. Костина.— М.: Сов-
ременник, 1987.—320 с., ил.—(Б-ка поэ-
зии «Россия»).

В книгу вошли лучшие произведения, написанные Алек-
сандром Романовым за несколько десятилетий творческой работы.
Разговорные, даже просторечные интонации, щедрая све-
жесть красок, тяготение к характерам народным, напряженные
поиски истинного и совестливого слова, зоркое внимание к стари-
це и новизне жизни характерны для творчества поэта.

Р 4702010200—243 206—87
М106(03)—87

ББК84Р7
Р2

I

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда.
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого заvara
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу завернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошла от огонька.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся»...
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,

Чем на Севере у нас»...
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал...
Он шагает нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших,
И с Полярною Звездой!
Звездный свет нам в лица сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

Домой, в деревню, издалёка
Катил я чуть не с бубенцом.
И мать отпрянула от окон
И мне навстречу — на крыльцо.
Вдруг от досады сердце сжалось,
Как вспомнил, что с собой привез:
Лишь кое-что, лишь только малость,
А ей и это все — до слез.
А ей и это вроде лишка:
Мол, у тебя своя семья,
Порадовал бы ребятишек,
А мне зачем, а я — сама.
Ее слова тоской особой
Отозвались в моей душе.
Вдругорядь, может, сделал все бы,
Да будет незачем уже.
...Сидела в старом сарафане
Вся из печали и любви.
«Чего ж повымерзли так рано,
Сыночек, волосы твои?»
И тихо гладила рукою
По голове моей седой,
И стало чуточку спокойней
Под материнскую рукой.
И отвечать уже не надо,
А все, что надо, в этот миг
И с полуслова, с полувзгляда
Она постигла, я постиг.

МАТЕРИНСКОЕ ОДЕЯЛО

«Ложись-ко спать. Устал, сынок»,—
И тащит одеяло.
И на меня от рук до ног
Что облако упало.
Она укрыла так любя,
Что сразу мне открыла
И очень малого себя,
И первозданность мира.

ПОЛОТЕНЦЕ

Из ковшика в сенцах
Лицо я умою,
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,
А вот утереться
Все медлю чего-то.
Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.
Грустили и пели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком — ловко,
То нежно — овалом,
И пряха-молодка
На льне оживала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прялкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».

...В заботах, в тревогах
Далеко от дома
Мотают дороги
Меня, уж седого.
С разгона, с размаха
Дни мчатся за днями,
А строгая пряха
Все ниточку тянет.
И на небе светлом
Все кружится солнце,
Как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки.

«По рыжики не выбратся ли нам?—
Мать говорит мне, под руку толкая.
И щурится с крыльца по сторонам —
Погода-то привольная какая!
Ну, что молчишь? С собою позови...»
А я на мать люблюсь с интересом:
Свои грибы и ягоды свои
Давным-давно повыбрала из леса.
«Пойдем!»— я улыбаюсь, и она,
Держась меня, бредет в раздолье просек.
И под платочком темным седина,
Как белый отблеск встреченных березок.
Щемит мне сердце близостью такой.
Мы с матерями странно отдаленны.
А тут она вот рядом, под рукой —
И на душе от листопада звоны.
Как торопливы, как слабы шажки!
Сбавляю шаг, и мне ничуть не тяжело.
«Вот Утичье,— вздохнет,— вот Подстожки,
А это — боже мой — да ведь Корчажка!
Ой, заросла. А как была чиста!»
И вновь стоит средь скошенных угодий...
Что для меня — грибные лишь места,
Для матери — судьба, труды и годы.
Я сокрушенно вместе постою
И, отдалясь, пойду Корчажкой с краю,
И в звонкую корзинищу свою
Знай рыжики ядреные бросаю.

Мать подожду. Она бредет ко мне,
И след ее опять раздумьем выслан.
Ну, а в корзинке на глубоком дне
Одни лишь листья, золотые листья...

**МАТЬ
ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ
ОТЦА**

Вот плачу я, а ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.
Ты — молодой, а я-то, я...
Старуха — погляди.
Вот навестили сыновья —
Растаяло в груди.
Давно семейные они,
И ты давненько дед.
Ну, хоть словечко оброни,
Ты их узнал иль нет?
Я твой исполнила наказ,
Все просьбы до одной.
Ребята добрые у нас —
Порадуйся со мной.
Вот станут в клубе выступать
На людях, на виду.
Сказали мне: «Пойдем-ко, мать»,
Да я уж не дойду.
С тобой — так мне и час бы лих,
Мы сели б в средний ряд,
Чтобы услышать, что о них
Соседи говорят.
Но ты молчишь, но ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.

СМОТРЮ ОПЯТЬ

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет:
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче,
И мудрости, чем эта, поновей,
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берем высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.

АННА

— Сколько детей-то, Анюшка?

— А семь!

— Вроде бы, Анна, и многовато.

— А белого света хватит всем,

Да и теплее, когда ребята...

— Стой же, постой!

— Недосуг сейчас...—

Но покраснелась от разговора.

Анна была, как сказали б у нас,

«Будто бы свежая помидора».

Полею пошла, где желтеет стерня,

Лугом, где в грязь стожары увязли...

Долго метался в глазах у меня

И повлажнел платок ее красный.

Вспомнилось детство перед войной:

В каждой избе у нас многолюдство.

Сядем за стол перед чашкой одной —

Ложки, что птицы, дружно несутся.

Мать поутру испечет каравай,

Кликнет, и сыплемся мы спросонья.

Только ломти успевай подавай

С луком зеленым да крупной солью.

Выросли мы на хлебах простых.

Как это было давно и шумно!..

Тихо теперь. Лужайки пусты —

Всю обошел деревню большую.

Странное дело: богаче живем,

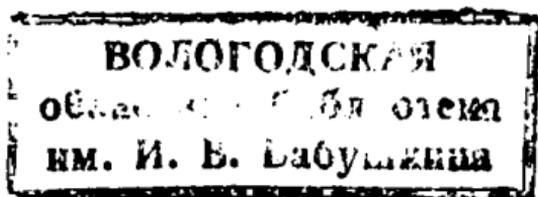
А малодетнее стала Россия.

...Птичьими кликами, ветром, дождем

Теплая ширь голосила, просила.

Травы вскипали из-под земли,
Будто вздыхала она, как живая.
В яростной пене реки текли,
Льдинами даль до морей прошибая.
А березняк поднебесье расшил
Тонким, что кружево, белым узором.
Вся эта хмелем повитая ширь
Полнилась зовом, полнилась зовом.
И вспоминалась Анна опять:
Вот она — будто перед глазами,
Русская женщина, добрая мать.
Как хорошо она мне сказала.
— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята.

1090787

Когда он сказал: «А ну, потесней!»—
Пошли садиться по очереди
По правую руку — пять сыновей,
По левую руку — четыре дочери.
Такие семьи не часты теперь,
И я удивленно и радостно
Сидел, отогревшись в шумном тепле,
Смотрел, как все здорово ладилось.
Буханку, как доброе чудо, держа,
Он резал и щедро, и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клад горкой на стол обеденный.
Хозяйка открыла кастрюлю с борщом,
И жаром дохнуло наваристым.
Она добавляла еще и еще
И лишь черпаком говорила: пожалуйста!
Тарелки сверкали, и в каждой из них
Качалось по вкусному солнышку,
И перец, и соль из посуды резных
В него насыпали по зернышку.
На пухлых, смешливых и влажных губах
Дрожало оно, золотистое,
И, каплей случайной на скатерть упав,
Дробилось веселыми искрами.
А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя,
Во здравие пекаря местного
Спокойную радость таил в ломтях
И незаметно главенствовал...
И не было здесь, за дружным столом,
Ни роскоши и ни бедности,

Но в тесном кругу, но в соседстве таком
Всем отлично обедалось.
И я, побродивший свое по земле,
Опять постигал заново,
Насколько же вкусен черный хлеб,
На жарком поду зарумяненный!
Насколько ж горчица свежа и крепка
И перец горяч до горечи,
И борщ из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
И сразу поняла, что не один,
И отступила, посветлев, назад.
Я тут же у крыльца знакомлю их —
И вот они, две женщины, стоят,
Пока еще две женщины чужих.
О это посвящение в родню,
Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
Волнуюсь и молчание храню:
Мои слова им не нужны сейчас.
Они сейчас сердцами все поймут,
Я прав иль нет, что говорил о них.
Целуются, друг другу руки жмут,
Но все еще две женщины чужих.
Шумит по-праздничному самовар,
Всё в золотниках солнечных насквозь:
Глаза, морщинки и над чашкой пар,
Игра ресниц и прядь густых волос.
И, как у нас ведется в деревнях,
Уже соседки поглазеть идут.
— Ну, проходите! Что вы там, в дверях?
— Да ладно, ладно, постоим и тут.
По делу мы, вон к матери твоей,
За квасом мы. У ней такой уж квас!..—
Налили квас, но все же от дверей
Нейдут они, разглядывают нас.
И говорят: мол, это кто, жена?
Уж до чего ж пригожа да бела,
И рослая, гляди-ко. Знать, она,
Голубушка, не в городе росла.

Уж больно городские-то бедны:
Ни спереди, ни сзади — ничего...
И вижу я, как чашка у жены
Дрожит в руках и плещется чаек.
А я смеюсь: не угадали, нет,—
Из города, из Вологды самой!
И ахают притворщицы в ответ
И с новостью торопятя домой.
...Сидим втроем, толкуем допоздна.
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама,— говорит жена,
И вижу тут, что женщин нет чужих.

КОЛЕСО РОДСТВА

В нашу речь встает всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом «теща»
Удалое слово «зять».

А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом «свекровь» и «свекор»
Вместе с тихой «снохой».

Соотносится с доверьем
И участием неспроста
Слово «шурин» к слову «деверь»,
Ибо равные места.

И, придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума
Слово дерзкое «золовка»
С обольстительным «кума».

И божественно и жарко
Отзывается в душе
Слово доброе «божатка»,
Ныне редкое уже.

Даже тот, что вовсе дальний
И чужой,— был все же чтим.
Привечали, называли:
«Нам он будет по своим...»

Слово каждое светилось
И в достатке, и в нужде:
Колесо родства катилось
По глубокой борозде...

Это хаять не годится
Для чужого торжества.
Я и сам, конечно, спица
В колесе того родства.

Поумнев, я точно вызнал,
Отчего я так окреп.
То родство служило в жизни
Для меня, что черный хлеб.

СЕВЕР

Умываюсь туманами Севера,
Поднимаюсь легко на бугры,
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опахивает лицо.
Горизонт уплывает и светится,
Как березовое кольцо.
В спелой ржи, словно вытканы, вышиты,
То возникнут, то пропадут —
Голубеют старинными крышами
Деревеньки и там и тут.
Здесь моя деревянная отчина.
Пусть я житель теперь городской,
А душе, кроме всякого прочего,
Позарез нужен край такой.
Не из тех я прохожих нечаянных,
Что заглянут на ночь одну
И у вдов, умудренных печалью,
Ищут старую старину.
И хозяйки в домах удивляются:
Было время — просили кусок,
А теперь — то икону, то пряслицу,
То ручного тканья поясок.
И в цене не стоят — лишь скажите им,
Но теряются бабы тут:
Нет цены оценить пережитое,
И задаром все отдают...
Мне чего же искать, если родиной,
Стариной ее, новизной,

Существо мое переполнено,
Будто небо голубизной.
Все волнует: и травы шумные,
Свет реки и тень камыша.
Здесь опять невольно подумаю:
Что ж такое это — душа?
Не приемник с чувствительной силою,
Чтоб включить и настроить мог,
Не березовый лист, не осиновый,
Не старинный какой кузовок.
А поет, и грустит, и дрожит она,
И я думаю неспроста,
Что душа — глубина пережитого,
Непрожитого высота.

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И, как десять рыжих коров,
Что отбились от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол.
Впору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны
Сине-синне, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны..
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши до дна,
Стали б руки еще сильней
И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...

Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Ноет сердце — в поля, сквозь дождь!
И машина летит, рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
«Газик», старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд,
Где хлебам уже не стоять,
Дымной горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего,— говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе,—
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!»
«Ничего,— говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять,—
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

КОПЫЛОВО

П. Красильникову

Деревенька Копылово
Невелика, но цела.
Клевера кипят лилово,
В каждой маковке пчела.
Крыши в теплой позолоте,
Дух коровий по дворам.
Словно лебеди на взлете,
В избах крестовины рам.
Сорок окон рассветают,
Значит, сорок лебедей
Никуда не улетают,
А живут среди людей...
Где-то стройки, где-то громы,
Где-то блещут города.
Ну, а здесь, как дождик скромный,
Только льются провода.
Да под вечер вновь заварен,
Хоть зайди и невзначай,
Добрый русским самоваром
Золотой грузинский чай.
Да в воде холодной, в ведрах —
Тарки стынут глубоко,
Чтобы в них дышало бодро
Ледяное молоко.
Да с крылечка до колодца
Перед сном, светло пока,
Вновь задумчивые кольца
Папиросного дымка.
Жить и жить бы без тревоги,
С тишиной наедине.

Но поди ж ты... Думы долги
В слишком тихой тишине.
Что-то старости не спится,
А у молодости сны
Рвутся в дали, как зарницы
Незнакомой стороны.

БЛУДНЫЙ СЫН

Лес, встречая, шумел и аукал:
Пусть и блудный, а все-таки сын.
Помраченье души и рассудка
Понял он у берез и осин.
Будто свыше его осенило,
Обожгло и продуло насквозь.
Он тоску обломал об осины
И оставил печаль у берез.
Встрепенулись они без упрёка,
Заслонив непутевую жизнь.
Но от горечи этой до срока
Их вершины огнем занялись.

ОТОГРЕВАЕМ ДОМ

Открыли, как отрыли
В холмище вековым,
В заносах снежной пыли
Старинный русский дом.
Дверь стронули натужно
За ржавое кольцо —
Порезалось о стужу
И сердце, и лицо.
И комнаты пустые
Предстали как из мглы,
Лишь выбелены стынью
Окошки и углы...
О дом, давно забытый,
Ты что в судьбе людей?
Ты боль каких событий,
Ты тень каких же дней?
И где жильцы, что были
Хозяевами тут,
Рождались, и любили,
И ладили уют?..
Но что же ждать ответа
От снега и от ветра?
Тоска рождает дело —
Не праздные слова.
И вот обледенело
В печах стучат дрова.
И робко, долго, трудно
Томится под смолой
Огонь то рыжим трутнем,
То золотой пчелой.

И печи загудели,
И вздрогнул мертвый дом,
И, словно колыбели,
Пары качнулись в нем.
И, от угарной синьки
Неясные пока,
Вдруг вытаяли снимки
Вразлет от косяка.
И есть чему дивиться —
Как из былых веков
Возникли смутно лица
Солдат и мужиков.
Суровы, бородаты,
Ни знаков, ни наград,
Ни имени, ни даты —
Как вечные глядят.

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.
Самовар я поставлю веселый,
Бок бараний с печного огня,
Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.
И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальем, что у нас приведется,
Ради светлости дня.
Обнажим затаенные речи,
Суегу от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.
И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споем, что певали,
Ради светлости дня.
Стали годы для нас все короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он кряж возьмет, прицелится
И колуном взорвет.
Растет, звенит поленница
Гармошкой у ворот.
Свежей в заулках нет ее,
И этот свежий вид
Весеннее да летнее
Тепло озолотит.
Стоит меж тополей она,
А хлынет снег опять —
Гармонь златополенная
Начнет в печи играть.
И скажет смуглотелая,
Пригожая жена:
«Сидела бы и пела я,
Но печь блины должна».
Он молодым хозяином
Коснется локотка,
И вспыхнет радость заново,
Чиста и глубока.
Жена не отсторонится,
Блины спалит опять.
«Ой, глупый,— скажет скромница,—
Ведь все в окно видать».
Но инеем зашторены
Окошки средь зимы,
И над холмами родины
Веселые дымы.

КОЛОДЦЫ

В колодцах наших испокон
Была вода такая,
Что в ней звенел морозный звон,
Когда с ведра стекала.
Ведро, прозрачное до дна,
До крапинок железных,
Мерцало чистым светом дня
И таинствами бездны.
Возьми ковшом и раздроби
В него влитое солнце —
И сила свежая глубин
В тебя легко вольется...
Теперь же стоит зачерпнуть —
Да что это такое?
В ведре то ржавчина, то муть
И дух заупокойный.
Все деревенцы собрались,
У сруба снег всклубили.
Поочередно смотрят вниз,
В затихшие глубины.
«Ну вот что,— выступил мужик,
Нашелся доброволец!—
Чего там тык да перетык,
Спускайте-ко в колодец».
Зажглась в ладонях горячо
Веревка с ношей трудной
И запружинила лучом
В ребристой глотке срубной.
Уже и руки отекли,
Веревка в них кололась.

Но, наконец, из-под земли
Донесся тихий голос.
И каждый чутким слухом вник
В просвет, в четыре ската:
«А здесь тепло,— кричал мужик,—
Вот только тесновато».
Все оживились. И пошло:
Скрипел в натуге ворот,
Ведро тянулось тяжело
И выглянуло скоро.
Так что же?— кинулись смотреть.
А в нем с краями вровень
Была колодезная смерть —
Песок-плавун багровый.
И стали черпать тот плавун,
Плескать остервенело.
Уже бессчетно мертвых лун
У сруба багровело.
И тут сверкнуло, что слюда,
Внизу, в раструбе черном,
И крик взлетел: — Пошла вода!
Вода!— взвилось повторно.
Взметнули дружно мужика
Из шумного колодца.
Он зашатался, замигал,
Ослепнувший от солнца.
И тут сказал, приняв тепла,
Одну из мудрых истин:
«Чтобы земля не умерла,
И землю надо чистить».

ВРЕМЯ

Не для того, чтоб после хвастать
(«И мы пахали!»), я беру
По-щучьи выкованный заступ
И легкий только поутру.
И не потешить ближних блажью
(«И мы умеем!») я встаю
На край гряды зелено-влажной
И легкой только на краю.
Лежат серьезно эти гряды
За домом старым и большим.
Им легкой прихоти не надо,
Лишь уваженье нужно им.
Они продольны и просторны,
Под облик дома самого,
Лежат брусками, как подпоры,
Как продолжение его.
Я знаю — в гряды днем весенним,
Шагая из конца в конец,
Свои закапывали тени
Сперва мой дед, потом отец.
А после с верностью упорной
Не раз, не два по-вдовьи мать
Свое закапывала горе,
Да не сумела закопать...
Теперь и я свой заступ ставлю,
И заступ жадно входит вглубь.
И дни минувшие пластами
Встают у пересохших губ.
Земля воспоминаньем дышит,
И что ни шаг, живее вид.

Забвенья корень темно-рыжий —
Осот на заступе лежит.
И прочь летит, мертво распластан!
А я — и вширь, и вглубь опять.
Тяжел, тяжел бывает заступ,
Коль станешь прошлое копать.
Ведь и земля — не только почва,
А время, зримое давно:
И каменеющее прочно,
И в рост гонящее зерно...
По телу — сладкая усталость,
Как будто медленно горю.
Стираю пот и, разгибаясь,
Я в небо свежее смотрю.
И неизвестно мне — откуда,
Но знаю, что издалика,
Как будто белые верблюды,
Бредут по небу облака.
И хорошо, что поле рядом
И черных туч на небе нет,
И что на вскопанные гряды
Летит черемуховый цвет.

ПОЛЕ

Комбайн ушел, но звук еще дрожит,
Еще дымком его усталым веет,
И поле обмолоченное ржи
В недоуменье и вздохнуть не смеет.
Соломы копны теплые на нем
Неровными рядами замирают,
Как на огромном на поду печном
Забутые хозяйкой караван.
И две березы белые слепят.
Не видные порой в ржаном раздолье,
Сейчас открылись вдруг до самых пят —
Как выросли они на чистом поле!
Я к ним иду. Ступать неловко мне:
Воистину святое это место.
И что ни шаг по золотой стерне —
То в молодость бесхлебную, то в детство.
И я готов заплакать, но держусь
И трудно понимаю, что со мною.
Беру зерно и пробую на вкус:
Как сладкий солод, мне зерно ржаное.
Беру щепоть земли из-под корней —
Холодный тлен и дух непостижимый —
А хлеб, и жизнь, и синева над ней,
И двух берез зеленые вершины.

Красной копной на пригорке
В сумерках вырос костер.
Дымом то сладким, то горьким
Тянет в заречный простор.

Это бригадная кухня.
Пахнут смолою столы.
Ропщут над пламенем глухо,
Брус прогибая, котлы.

Девушка длинною ложкой
Чёрпает ловко навар
И не спеша, понемножку
Пробует, дует на пар.

В отблесках пламени рыжей
Девушка кажется вся,
Но приглядеться поближе —
Рыжая только коса.

...Лишь упадет, увядая
В клевере дальнем, закат,
— Дай-ко поесть, золотая!—
Ей мужики говорят.

СЕНОВАЛ

От века своего отстал —
И в позабытости покойся...
Давно дряхлеет сеновал,
Отжатый ельником с покоса.
Он в землю врос, как бы усох,
И стали темными тесины.
По ним плывет, сверкает мох,
Как будто пена с губ лосиных.
А перед входом, краснобров,
Куст иван-чая жарко кружит.
Как будто кто сюда забрел,
Развел костер и ладит ужин.
И в самом деле кто-нибудь —
Или грибник, или охотник —
Заночевать иль отдохнуть
Сюда, случается, заходит.
Шумит вершинник в тишине,
И шебаршат кусты под крышей,
И бревна тяжкие в стене
Печальный шум и шорох слышат.
Заметы тайные на них
Живут в зарубках и в затесах
О краснозорных, огневых
И сарафанных сенокосах.
Лишь только ты прочесть сумеи —
Немало помнят эти стены:
Разгул страды, и храп коней,
И хмель бушующего сена.
И в тканом пологе, в ночи,
Когда звезда у изголовья,

Любви стеснительный зачин
И праздник смуглого здоровья.
А утром чуть стыдливый взгляд,
И два следа плывущих вместе,
И две косы наперехват,
И в каждой вковано по песне...
Уже все это позади,
Но ты, коль выпадет дорога,
Сюда зайди и посиди,
Но ничего зазря не трогай.

«Ах, Родина»,— я тихо произнес
И распахнул рубашки белой ворот.
Всего два слова — а щемит до слез,
Всего два слова — а опять я молод.
И раньше в белострунный березняк
Входили люди, вглядывались в дали,
И тоже волновались точно так,
И точно так молитвенно шептали.
Несчетно раз слова повторены
В одном и том же радостном порыве,
Но столько в них для сердца новизны —
Как будто я их произнес впервые.

БАБКИН СЫН

- Как зовут тебя?
— Сережка.
— Ну а чей ты?
— Бабкин сын...—
Петушком кричит гармошка,
И поет в ресницах синь.
Он играет, выгибая
Перья красные мехов.
К старикам, что строят баню,
Вновь идет средь лопухов.
— Э, гляди, пришел помощник,—
Улыбаются они.
— Да носишко-то не морщи,
Кверху, кверху нос тяни!..—
И, оставив паз мохнатый,
Никнут ласкою седин.
— Ну, играть покуда хватит,
Помогай нам, бабкин сын.—
И мальчонка мох подносит,
Да бегом-то, все бегом,
Вытирая с переносья
Бисеринки рукавом.
Хвалят парня, горечь спрятав,
Словно в мох, в пучки бровей:
— Ну, Сережка, ты — старатель,
Будешь плотником, ей-ей!—
Мастера кивают важно
И с оглядкой, без мальчика,
По-мужицки, трехэтажно,

Кроют беглого отца:
— Где-то шляется, кудлатый.
— Ну а мать? Ох эта мать.
Тоже бросилась куда-то
Пристань новую искать.
И ни писем, и ни денег.
И живет Сережка тут.
Бабка вырастит, оденет:
Бабке пенсию дают.—
«Что-то будет, что-то будет?»—
Выбивают молотки,
Словно тишь глухую будят
На стропилах старики.
Сверху им щемяще видно,
Как, покуда без обид,
Васильково и наивно
Безотцовщина глядит.

СТАРАЯ БОЛЬ

Всем сказал я «до свиданья»
И, не связанный ничем,
Ехал в тихое сиянье
Белых северных ночей.
Думал я: испью водицы,
Той, что пробовал не раз,
Над которой наклониться —
Щеки инеем обдаст,
Глубью черной и студеной
Опахнет из родника
И пронзит всего со звоном
После первого глотка.
Вот тогда-то мне и станет
Легче, проще и ясней...
Добрый вечер, домик старый
С родником у тополей!
Вот и вышло воротиться...
В нем один брожу, брожу,
Кросна, пыльную божницу
По углам я нахожу.
Ржавый серп, трепало, прялку,
Крюк железного светца...
Нет, мне этого не жалко,
Жалко деда и отца.
Жалко материнх весен
Пролетевших... Догони!
Где же весны, сердце спросит,
Кто ответит, где они?
День-другой брожу и чую:
Нет, не легче, не ясней.

И вода уж не врачует —
Прежней силы нету в ней.
И тоски не пересилить
В серой дедовской избе...
Добрый пасечник Василий,
Я опять иду к тебе.
Слышу: в кустиках знакомых,
В стороне от глаз чужих,
Каждый луч среди черемух
Жаркой пчелкою жужжит.
Вижу: пчелы, искрометно
Пролетая синевою,
Золотые нитки меда
Тянут с солнца самого.
Ты, ей-богу, возникаешь
Из черемух и берез,
Мой советчик и товарищ,
Душу видящий насквозь.
И, неопытную пчелку
Выпростав из бороды,
Обнимаешься неловко
Ты со мною, как с родным.
И уводишь в тень густую
На скамеечку в саду.
Говорю, что я тоскую,
Места дома не найду.
Ты молчишь, молчишь вначале,
Режешь мякоть спелых сот,
А потом уж отвечаешь,
Со своих взглянув высот:
— Ну, тоска. Не раз бывала
От ушибов и обид,
Это возраст перевальный,
Это старое болит.
Парень, ох, оно живуче,
В нем такая глубина.

Вот тебя тоска и мучит:
Дела требует она...
Улыбаешься: не бойся
Никакой вовек тоски!—
И несешь мне на подносе
Солнца желтые куски.

СПОКОЙНОЕ УТРО

Какое спокойное утро!
Туманы с души унесло.
Вчера было горько и трудно,
Сегодня — легко и светло.
И я, умываясь, подумал,
Что надо бы радостно жить
И тяжкую думу под угол
Избы валуном положить.
А с матерью встретился взглядом —
Лицо осушило стыдом:
Хлопочет, усталая, рядом,
От думы в сиянье седом.

* * *

Еще на небе было чисто,
И зеленел еще лужок,
Но уж чутьем корней и листьев
Березы поняли свой срок.
Оцепенели поначалу,
Дивя прохожих красотой,
Потом со сдержанной печалью
Опали вьюгой золотой.
И тут погасли, как лучины,
Потом их снегом замело.
Вблизи, а вот неразличимы:
Кругом бело, кругом бело...

ПОЗЕМКА

Виктору Коротяеву.

И ночь, и снега —
Я один средь полей.
Дорога долга
До деревни моей.
И в черных лесах
Мерцает едва
Луна, что лосиная
Голова.
Струится поземка,
Как будто во мрак
Летят вперегонки
Стаи собак.
И чистые звоны
Морозной струны
Зовут меня снова
В снега старины.
Я вижу, как звездно
Там снег искрит.
Я слышу полозьев
Далекий скрип.
Лихой на холоде
Крик возниц
И топот с хлопаньем
Рукавиц.
И вдруг из облака —
Взгляд коня.
С дороги побоку,
В снег — меня.
И пролетели,
Меня обдав

Сухой метелью
Душистых трав.
Встаю и вижу:
К ним из ворот
Пчелою рыжей
Фонарь плывет.
Потом и в доме
Зажегся свет —
Снопом соломы
Упал на снег.
Смотрю и думаю:
Дай найду,
Речь про судьбу мою
Заведу.
Годов завесу
Мы отстраним.
Как интересно
Должно быть им
Услышать громкий
За дверью стук,
Меня, потомка,
Увидеть вдруг!
А двери в избу
Ох, тяжелы!
Столетия виснут
На петлях мглы.
Стучу, толкаю —
Душа зашлась:
Я с мужиками —
С глазу на глаз!
Струит навесная
Лучина свет.
Я их знаю,
Они меня — нет.
Первый Роман —
Он прадед мне.

Второй Иван —
И тот по родне.
Здоровуюсь, застя
Свет рукой.
Бают:
— Здравствуй...
Кто такой?
— Да свой, — отвечаю, —
Я правнук ваш!—
Пожали плечами:
Мол, что за блажь?
И замерли. Люто
Лучина трещит.
В глиняном блюде
Стынут щи.
И долго и резко
Смотрят они.
— Ну что ж, не побрезгуй,
Поешь, отдохни...—
Сажусь, не умея креститься,
К столу.
Мужицкие лица
Бледнеют в углу.
Мужицкие руки
Три раза подряд
В холодном испуге
Крест сами творят.
И я извиняюсь,
Теряюсь тут:
В руках-то тяжесть —
Не шевельнуть.
Напротив — прадед.
Скулы тверды
В черной оправе
Густой бороды.

А взгляд простодушен,
Даже свят.
Лето пастушье
Таит взгляд.
Весь он очерчен
Синью окна,
И на оплечье
Заплата видна.
Любуется прадед,
Не верит мне.
— Ужель ты и вправду
Нам по родне?—
Но хмурит лицо
Отчужденно Иван:
— Да он из купцов
Аль каких дворян.
А может, чиновный —
К теплу привык.
Но нам неровня,
Нет, не мужик!..—
Я голосом твердым
Твержу, торопясь:
— Я ваш, но в четвертом
Колене от вас!..
— Чудно́ как! Послушай,
Скажи-ко нам:
А сколько на душу
Земли-то т а м?
— А ныне у нас, —
Отвечаю я, —
Сколь хватит глаз —
Вся твоя земля... —
Глядят, не мигая,
Хлопнув в бока,
По-истуканьи
Два мужика.

И я поскорей
Поясняю ответ,
Что много полей,
Но собственных нет...
— Ну, вот что: уймися, —
Встают предо мной. —
Ты врешь, будто писарь
Наш волостной.
Нам некогда лясы
С тобою точить.
Коль хошь, забирайся
Да спи на печи.
А утром, коль правнук, —
Смеются они, —
За сеном отправим,
Вот тут и тяни... —
Снимают рубахи
В порыве крутом,
Которые пахнут
Тяжелым трудом.
Крепки и красивы
В своей простоте.
Померяться б силой,
Да силы не те.
Не выдюжить — чувствую —
Сразу сдам...
Чадно и тускло
Здесь по углам.
И длится молчанье,
И сам я затих.
И тут замечаю,
Что выдумал их.
Что с этой избою
Я сказку творю
И сам я с собою
За них говорю.

То дальше, то ближе
Двигаю свет.
Я их вижу,
Они меня — нет.
Как тайна, как чудо,
Текут года:
Видно—откуда,
Не видно—куда.
И жесткой солью
Струится снег
От поля к полю,
Из века в век...
И вдруг на откосе
Из дальних веков
Словно кто бросил
Горсть угольков.
Здравствуй, деревня!
Прими, отогрей...
Веничек дремлет
Возле дверей.
Ноги вычистил,
Встал за порог
И электричество
Пальцем зажег.
Как будто в август
Сразу попал.
Курю, наслаждаясь,
Болгарский «Опал».
И слышу, как звонко
У наших ворот
Вихрится поземка
И в полночь метет.

Дураки потешили народ,
Хоть того не понимали сами.
И вжигались горькими глазами
В тех, кто их обидно обзовет.
Где-нибудь в деревне на краю,
Не свыкаясь ни с хулой, ни с ложью,
Жили, словно шли по бездорожью,
Каждый на особину свою.
То топорик, то пастуший кнут,
То сума, а то, бывало, дудка,
Одежонка рваная, обутка —
А они пророками идут.
Что ни скажут — все-то напрямки,
Спляшут ли, споют ли-все не к месту.
Ну, толпа и тешится... Известно,
Кой-кому по нраву дураки.
Явятся—гони, хоть не гони,
Сдуру лезут на рожон без страху,
Отдадут последнюю рубаху —
Вот какие были!.. Где ж они?
Умерли в деревне дураки
Или, может быть, переселились —
Только нету их... Скажи на милость,
До чего ж теперь умы крепки!

В ГОСТЯХ НА СУКМАНИЦЕ

А. Тихоненкову

Не приходилось, не гостил
Я в золотой Сукмáнице,
И вот душа — ну нету сил —
Туда сегодня тянется.
Но никого там из родни,
Хотя места исконные.
Пожалуй, только лишь одни
Березы там знакомые.
К березам! Берегом иду,
А берег осыпается.
Вокруг деревни на виду,
А дальше всех Сукманица.
В залесье клюквенном, глухом,
Как прибауток вотчина,
Она поставлена на холм
И речкой оторочена.
Смешок плывет от стариков:
Кто ходит на Сукманицу,
Тому за пряткость сто грехов —
Как не было — прощается.
А есть такие — как не быть, —
Кому бы на Сукманицу
Не раз, а десять раз сходить,
Но разве кто признается?
Нет, не признается вовек!
Не потому ль — по-вашему —
Сюда лишь редкий человек,
Как я, тропу налаживал?
Тропа, как жизнь, — то вверх, то вниз,
Тяжелая, осенняя.

Топина рядом. Оступись —
Ищи тогда спасения.
Потом река, а в ней вода
Каленая, кусается.
Я все прошел, и лишь тогда
Открылась мне Сукманица.
На золотистой крутизне,
Как вышивка на поясе,
Изба к избе, изба к избе —
Аж и моргнуть-то боязно.
Вдруг пропадут,— моргнешь — и нет:
Настолько стародавние!
От стен — янтарный теплый свет,
От окон — холодание.
Крылечки тут, калитки тут
С узорами-заветами.
Какие тайны стерегут?
Какие были ведают?
И ни души. Покой! Но вдруг
Калиткой, слышу, щелкнули.
Иду и вижу двух старух —
Какие краснощекие!
«Дак воздух экой,— мне они
В ответ.— Ну, не утеха ли!
Да, здесь, голубчик, мы одни,
Да, все давно уехали!»
И чаем здесь, на берегу,
Меня старухи потчуют.
И я без них уж не могу
Представить землю отчую.

СТАРИК

— Как жизнь?— А лучше и не будет.

— Неужто?— Думаю, что так.

— Но люди...— Что ж, на то и люди,
Чтоб ожидать каких-то благ.

— А ты-то что?— А я счастливо

Пожил...— Достиг чего?— Достиг.

— Чего?— Трудись не суетливо,—

И улыбнулся мне старик.

БАЙКА

Начать бы можно: жили-были,
Да слишком байка коротка,
Как под картошку склад рубили
Два деревенских мужика.
Один давно из сруба вылез,
Сказав: все скрыто под землей,—
И вниз глядел, в сосновый вырез,
Где позамешкался второй.
И начал звать его напарник:
Да вылезай на белый свет!
Нашелся — тоже мне — ударник
И настиляет там паркет...
Но добродушно, безобидно
Тот отвечал из полумглы:
Хоть глубоко, но людям видно,
Хоть под землей, но все ж — полы.
И там опять мудрил чего-то
И топором стучал опять...
Он уважал свою работу.
А я его стал уважать.

Ель

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершину опалив о звезды,
Накренилась темною пургой.
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать.
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжит.
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки —
И
Тяжелый вздох!

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Люблю приехать в августе
В ржаную благодать.
Сказать-услышать «Здравствуйте» —
Как земляков обнять,
Как поклониться родине
И на лицо, на грудь
Росистый куст смородины
Друг другу отряхнуть.
Иду я всюду запросто,
В душе коплю зарю.
И встречные мне: «Здравствуйте»,
Я — то же говорю.
И школьники глазастые,
Путь уступая мне,
Смущенно тянут: «Здравствуйте» —
Я — то же ребятам.
И старцы, уж бесстрастные,
Сидят, глядят на свет.
Я кланяюсь им: «Здравствуйте» —
И слышу их привет...
Люблю приехать в августе,
Да дело ведь не в том.
Всегда здесь слово «здравствуйте»
Овеяно теплом.
И за века не выстыло,
И, вея далью той,
Людей связует исстари
Высокой добротой.
Живите, люди, здравствуйте,
Поменьше только хвастайте,
А крепче государствуйте!

НАРОДНАЯ РЕЧЬ

Дивлюсь народной речи!..
В родимой стороне
Друзей, бывает, встречу —
И будет праздник мне.
Усядусь с ними просто —
Как свой среди своих,
Где сроду не был гостем,
Ел тот же хлеб и жмых.
И разговор вседневный,
Нередко и смешной,
Опять плетет деревня
Легко передо мной.
И вдруг такое слово
Обронит невзначай,
Что в лучший стих готово —
Лишь зорко примечай.
Привскочишь: да откуда,
Да из каких глубин
Достали это чудо
За вздох, за миг один?
Ведь в этом слове редком
И жарком — только тронь —
Мерцает дальних предков
Языческий огонь.
Уд́ивишься немало,
Что слово, как запал,
В тебе самом дремало,
А ты его не знал...
А речи все плетутся,

Как наши кружева:
И так и сяк берутся
И ставятся слова.
Обычные бы вроде,
Да в необычный ряд.
И вдруг, что самородки,
Стыкуясь, загорят...
Родной язык — держава.
И даже мудрый Даль
Не всю в словах обшарил
И глубину, и даль.
И мне бывает больно,
Когда берут в тиски
Слова программой школьной
Богатству вопреки.
И горько мне бывает,
Когда в домах у нас
Старушек поправляют
Внучата всякий раз.
Мол, их слова плохие.
И с детства говорят
Хоть грамотно, да хило.
А рядом этот клад!
А он, не видный глазу,
Лежит в толкучке дней.
Дороже всех алмазов
И золота ценней.
Что золото и камни!
В нем то, чем жизнь жива —
Граненные веками
Алмазные слова!

МАРЬЯ

Ей до пенсии всего
Остается годик.
А она — ничего:
Как со шляпкой гвоздик.
Всем соседкам твердит:
— Развяжусь с работой,
Буду замуж выходить,
Что сидеть одной-то!—
Говорят соседки ей
С опытом бывалым:
— Замуж, Марья, не радей,
Больно тела мало.—
Марья, словом не шадя,
Сразу — к обороне:
— Шурка вон что ладья,
А коснись — утонет.
Я суха, да крепка,
Что клубок катаюсь! —
Встанет — руки в бока,
Бабам на зависть.
— Это верно, так-таки,
Ты еще — что славница.
Только нонче мужики
Тоже не валяются.—
И советуют ей
Уж вполне серьезно:
— Знаешь, Санка отбей,
Санко наш, совхозный.—
Но у Марьи грустный вид:

— Не велено трогать,
Варька мне говорит:
«Дома дела много».—
Бабы злятся: вот так на!
Ну кого же? Кольку!
Тот не нюхает вина
Нонече нисколько.
И махорку не берет —
Курит папиросы...
— Не, он легок, что перо —
В сторону заносит.—
Кто-то машет рукой:
— Верно, Марья, верно.
Ну зачем пузырь такой —
Только портить нервы.
Вот что, Марья, мой совет —
За рекой — Федорий.
Тот не высевок, нет,
Настоящий корень.—
Бабы шепчутся: а что?
Тот, пожалуй, в силе.
А оденется в пальто —
Ой, баской, красивый!
Марья, видно по глазам —
Просияла ясно:
— Ой, спасибо, бабы, вам,
За него согласна!..

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы темно-синие тучи
И красные тучи рябин.
В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охапками крупные гроздьа
В разломы и окна небес.
Рассеются темные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Еще ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.
Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.
Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,
Над теми, кого уже нет.

ИЗБА

Не понимаю тех, ей-богу,
Кто, из родной избы уйдя,
Навек забыли к ней дорогу
В сверканье снега и дождя.
И ненавижу тех, хвастливых,
Кто приезжает с похвальбой
И в дни наездов торопливых
В избе смеется над избой.
Пусть многим стала не по росту,
Но вот зачем с хулой спешить?
Изба хоть выглядит и просто,
Да в ней не так-то просто жить.
Она веков минувших память,
Она судеб отцовских суть.
И если с прошлым полукавить,
Легко в грядущем обмануть.

СТАРИК И СТАРУХА

Так гуляют рыбы стаи,
Что кипит река — рыбаць!
И старик кольчуги¹ ставит
С ожиданием удач.
И своей жене с улыбкой
Говорит, придя с реки:
— Угощу я свежей рыбкой,
Завтра рыбники пеки.—
На заре, дрожа от счастья,
Он кольчуги достает.
Серебрятся рыбой снасти,
Будто в них крошен лед.
Груз тяжел — легка дорога.
Он спешит к старухе:— На!
— Фи, да это же сорога! —
Тычет пальчиком жена.
— А сорога — что, не рыба? —
Усмехается слегка,
Но усталость, будто глыба,
Сразу давит старика.
Поутру уходит в холод,
Новой мыслью озарен.
Как в былые годы, молод,
Достает кольчуги он.
Набирает понемногу
Крупных рыбин наперед.
Не берет уже сорогу,
Лишь налимов он берет.

¹ Кольчуги (вологодск.) — рыболовецкая снасть.

Груз тяжел — идет счастливый,
Говорит старухе:—На!
— Фи, да это же налимы! —
Тычет пальчиком жена.
— А налимы — что, не рыба? —
Он срывается на крик,
И от этого надрыва
Чуть не валится старик.
Петухи зарю пропели.
Вновь к реке идет рыбак.
Без азартной канители
Снасти тянет кое-как,
Рыба блещет светлым ливнем,
Перья красные горят.
И старик, опять счастливый,
Кличет с удочкой ребят.
Те бегут веселой ратью.
Он глядит на них и рад.
Сыплет рыбу — забирайте,
Забирайте всю подряд!
Тропка зеленью сверкает,
Вьется медленно она.
Подперев бока руками,
У порога ждет жена.
— Недосуг мне с тестом мешкать,
Где же рыба, черт такой? —
Отвечает он с усмешкой:
— В магазине, за рекой.

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И, в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал — едва ли.
И картошины с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.
Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки.
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро.

Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы цыркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертom,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели,
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы.
Ну, а Васька даже до школы,
А потом неспеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.

И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом по пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...

...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

* * *

В середине веселого мая,
Молодея от легкой ходьбы,
В перелесках родимого края
Собираю я в кепку грибы.
Прут опенки по горкам укромным
Из-под жухлой листвы и хвои.
Разбудили их первые громы,
Закудрявили их соловьи.
Вот земля! Еще травы и листья
Лишь в намеках зеленой резьбы,
Еще в ельниках сыро и мглисто,
А пожалуйста — нате грибы.
Любо брать их, таких светло-рыжих,
Будто пенку снимать с молока.
...Сковородка трясется и брызжет
Над лиловым цветком огонька.
Дом для гостя распахнут по-русски,
За столом можно многих вместить.
Только не с кем отведать закуски,
Только некого мне угостить.
И стоит неподвижно и хрупко,
Майский свет отражая в стекле,
Одиночества горькая рюмка
На родном деревенском столе.

ОСИНКИ

Они и без ветра лопочут —
Осинки у тихих дорог,
И как от щекотки хохочут,
Лишь дунет на них ветерок.
Задумавшись тяжело и смутно,
Но слушая их кутерьму,
Ты сам улыбнешься чему-то,
Не ведая толком — чему.
И взглядом окинешь осинки,
И шаг свой замедлишь чуть-чуть,
Но этой мгновенной запинки
Хватает, чтоб легче вздохнуть.

КЛЮЧИ

Не выхваляясь, не крича
О родовых основах,
Стоят деревни на ключах,
На глубях родниковых.
Красу умели отыскать
И топором, и взглядом —
Чтоб ширь и высь — душе под стать —
И ключ недремный рядом.
В берестяной ли черпачок,
В ладони ли, в ведерки
Холодный, чистый родничок
Плескал скороговорки.
Он из таких всходил глубин,
Пробил такие недра,
Что зачерпни и пригуби —
И впрямь душа бессмертна.
Ключи! Поди-ка их сочти!..
В отеческом пределе
Их не убавилось почти,
А избы поредели.
В тоске своей склоняясь ниц,
С холмов — гнездовый древних —
Подобьем серых странных птиц
Крылами бьют деревни.
Куда лететь? К какой меже?
На юг или на север?
Узорный облик их уже
Пространствами рассеян...
Ну а ключи? Они все там,
На древних тех гнездовьях.

И забывать опасно нам
О них в дорогах новых.
Ведь бьют они с таких глубин,
Крушат такие недра,
Что зачерпни и пригуби —
И вновь душа бессмертна.

СТОЛБЫ

Тех мужиков давно уж нету,
Но их дома — что терема —
Возносят гордую примету
Мастеровитого ума.
Те мужики простор околиц
Делили клином межевым.
Но неделимым был колодец
И был заулочек неделим.
И ребячьи в заулочке этом,
Кипя свободой озорной,
В траве валялась теплым летом
И горку ладила зимой.
А меж домами у колодца,
Где проходили мужики,
Им было сладко наколоться
На смех и бабьи языки...
О тех домах твердят и ныне,
Что богатеи жили тут.
Купив дома, жильцы иные
Теперь по-новому живут.
Давно льняной простор околиц
Распахнут, словно небосклон,
Но на замке зато колодец,
Да и заулочек поделен.
И молчаливые соседи,
Высокомерья не тая,
Из-под замка прохладу цедят —
Бадья у каждого своя.

И в том заулке, в тех ромашках,
Держа равненье городьбы,
Стоят столбы в смолистых бляшках
И морщат стесанные лбы.

Раздалась гармонь — ах, боже!
Не слышали так давно.
Взгляд распахнут, сердце — тоже,
Как весеннее окно.
Тесно — плечи не просунуть,
Не пробраться в первый ряд.
На отчаянных плясуний
Молча женщины глядят.
Это пляшут отпускницы,
Дочки их из городов.
Огорчаться иль гордиться —
Нет пока у женщин слов.
Пляшут так, что солнце брызжет
На кондовые углы.
Были русы — стали рыжи,
Стали слишком удалы.
«Приезжай ко мне дорожкой —
Не броди угорами.
Ну зачем ты мне с гармошкой,
Когда все с моторами...»
И гармонь споткнулась, смолкла.
Стих народ. Опешил круг.
Гармонист, мотая челкой,
Вырывается из рук.
Он уходит, злой и резкий,
В одуванчиковый дым.
С кем делить обиду? Не с кем.
Оставайся холостым.
Ох, невесты-попрыгуньи,
Что-то стали вы не те,

Что-то скромность попригнули
В общежитской тесноте...
И в отчаянье тоскливом
За деревней у берез
Горьким плещется разливом
И кипит гармонь до слез.
По угорам в тихой рани
В три версты — ее размах.
И ворочаются парни
В холостяцких деревнях.

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Александр Яшин

Она, смеясь, лиловый плащик
Перехватила пояском
И — прыг из туфелек блестящих,
И — скок с крылечка босиком.
Сперва прошлась по тропке влажной.
Как зябко, щекотно ступать!
Она вбирала жилкой каждой
Земли весенней благодать.
И побежала — вся как радость
И ожиданье перемен!
Трава ласкалась и плескалась
У белых девичьих колен...
Старушки, сидя прежним ладом,
Забыли сладкое нытье.
За ней тянулись добрым взглядом
И толковали про нее.
— Она из наших, настоящих,
Сказала: «Дома поживу...»—
Уже в полях лиловый плащик
Летел, как искра, в синеву.
— Ох, парни что-то долго дремлют.
— Да, девка с бойкою судьбой.
Любую ярмарку в деревню
Она утащит за собой!..

СОВЕСТЬ

Встает до света хлопотунья
И в кухне — как веретено,
Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
Не закричат в ее окно.
Она их встретит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Ей, одинокой, то и надо...
Уйдя на пенсию, она
С поклоном вдруг — к соседкам на дом
И засиделась допоздна.
«Давайте я понянчусь, бабы,—
Одной сидеть так, право, смерть.
Своих не знала, так хотя бы
С чужими душу отогреть».
Те удивлялись: нынче редки
Такие речи — ой, возьми!
И благодарные соседки
Теперь лепились к ней с детьми.
Они совсем того не знали,
Что у Авдотьи где-то сын,
Ее беда, ее печали
И тайна скрытая седин.
Ох, шумно молодость кипела!
Родила сына — и в детдом.
И отстучали в ней капелью
Воспоминания о нем.
Как был и не был... Только ныне
Тоскою сердце изошло...

И в дни настигнувших уныний
Лишь от чужих внучат светло.
Придут — накормит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Глядит она — и легче вроде,
А убегут и ляжет спать,
Ей мнится: кто-то в доме бродит,
Толкает старую кровать.
И говорит: «Согрей, промок я»,—
И топчется у поставца.
В лицо ему глядит Авдотья
И леденеет: нет лица.
Ну нет лица — оно туманом
Клубится, уловить нельзя.
Лишь прорезаются стеклянно
Двумя осколками глаза.
И острой болью мрак проколот.
Авдотья вскрикивает: «Сын!»
И просыпается. И холод
Летит с растрепанных седин.
Она срывается с кровати,
Глядит вокруг: сидит одна
И стынет, теменью зажата.
Поселок спит. В окне луна.
И до утра за думой дума.
Затопит печь, а ледяно,
Пока ребята: «Бабка Дуня!»—
Не прокричат в ее окно.

ГОСТИНЕЦ

Завтра в путь. Ему не спится.
Дрема ночью недолга.
Будит ранний дух гостинца —
Налитого пирога.
Самый пышный и румяный
С пылу-жару не затих
И брусничною поляной
Остывает средь других.
Сын упорствует — не надо!
Мать, сомкнув дрожанье губ,
Смотрит в сына слезным взглядом:
До чего же молод, глуп.
Еле парня упросила,
И пирог в дорогу дан.
Пролетел над всей Россией
В дальний город Магадан...
Мать тоскует — сын не близко,
Но письмо приходит в срок,
И в конце его приписка:
«Жаль, что взял один пирог.
Здесь гостинец твой брусничный
Потянул нас вспоминать
Детство, дом, родной обычай,
И тебе спасибо, мать».
Отклонилась к спинке стула
В стороне от всяких дел.
Прочитала вновь, вздохнула:
«Слава богу, поумнел».

И младший сын уже оставил дом.
Его на пристань провожать пришла
И только тут заплакала при нем —
В последний час сдержаться не могла.
Тебе никак не верилось сперва,
Что сын-то, даже младший, — уж солдат.
Острижена, как в детстве, голова...
Ах, годы, годы, как они летят!
Давно ль, скажи, изба была тесна,
Когда семья собиралась в поздний час?
А с пристани теперь зашла одна —
Огромной показалась в первый раз.
Ушли сыны на добрые дела.
По-матерински ты могла понять,
Что срок пришел и это позвала
Их от тебя уже другая мать.
Она сынам оружие дает,
Погоны пришивает, ставит в строй,
Она выводит сыновей в полет,
Их осеняя красною звездой.
И как по-матерински ей не знать,
Как ты грустишь, коль нет от них письма?
...В пеленках были — не давали спать,
А подросли — так не уснешь сама.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Она стоит на середине
Иль у дверей избы любой
Как величавая твердыня
И служит комнатам стеной.
С рассвета людям угождая,
Печет и варит дотемна.
А сколько дум людских рождает,
Так знает только лишь она!
И в ней, широкой, доброй, ладной,
Натура русская видна:
В работе выдюжит как надо
И в горе выстоит она.
Мы помним, как снаряды выли,
Крошились стены от свинца
И как среди огня и пыли
Держались печи до конца.
И на виду у пол-России,
Израненны, опалены,
Они лишь мщения просили
У всколыхнувшейся страны.
Потом, как повелось извечно,
Когда затих военный гром,
Простой и жаркой русской печью
Мы вновь венчали каждый дом.
...Стоит, и ей износу нету,
Хотя в работе целый век.
И вот ее за все за это
Так любит русский человек.

ДОЧЕРИ

Семье Сухаревых

Четыре дочери — чьи, видно.
Румянцем щеки залиты.
Сестра сестру не отодвинет,
А лишь добавит красоты.
Четыре дочери — невесты!
Какая статья! И все живей
Взгляд родниковый, взор небесный
Под черным росчерком бровей.
В них материнская пригожесть.
Стоит отец, мужик простой,
Дивясь, робея и тревожась
Перед дочерней красотой.
Четыре дочери — загадки.
Что станет с ними в смене лет?
То вспыхнет, то погаснет краткий
Огонь родительских примет.

Хоть солнце и зашло уже,
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только чтоб она
Дружней росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

РАЗГОВОР

— Ты, что курица-парунья,
Надоела, мати, ой!
Как умрешь, не пророню я
Ни слезинки ни одной!
— Ну, спасибо, дочь. Хоть бедки
Мне слова, но впереди
У тебя самой три девки:
Слезы, верно, береги...

ПРОСЕКИ

Шиповник пялится вразброс
На желтизне лесных прогалин.
Его плоды среди берез
Как пули красные застряли.
Свежо и тихо на душе.
Иду по скошенному краю.
И здесь с улыбкою уже
Своих знакомых вспоминаю.
Бывает, встретишь — и не рад:
В глазах у них мелькает жалость.
«Как постарел», — мне говорят,
И я как будто извиняюсь.
Так заявляют прямо мне,
Что словно бы и в самом деле
Лишь только я и постарел,
А вот они помолодели...
А здесь никто не попрекнет:
И ни береза, ни осина.
Иду — и трость моя вразлет,
И на ремне скрипит корзина.
Вон вижу — белый гриб один
Стоит себе под хвойной крышей,
И, как пузатый господин,
Он распахнул тулупчик рыжий,
Я — на колени перед ним:
А ну, иди сюда, голубчик,
И чтоб остался невредим,
Я подбираюсь под тулупчик.
А рядом — что там за сосед!

Обабок, голенький и чистый,
Дивясь, глядит на белый свет,
Забыв стряхнуть со шляпки листик...
И в паутинках день плывет,
От синевы и чист, и ярк.
Летит высоко самолет,
Но выше — маленький комарик.

САМОВАРЫ

Не с важностью седого антиквара,
А с удивлением, что нашелся спрос,
Он из подвальной тьмы три самовара,
Как темно-рыжих домовых, принес.
«Вот, — показал, — занятно, так любуйся.
Могу — тебе, а то в село отдам.
Такой металл там принимает Люся
По тридцать три копейки килограмм...»
Был чистый день. Три старых самовара,
Как запыленных три богатыря,
Теперь стояли, словно три товара,
Крыльцо стыдливо светом озаря.
Один — огромный, в синеве прокалин,
С медалями, впечатанными в медь,
Как будто ожил. И сказал хозяин:
«Он полдеревни может отогреть».
Другой хоть и пониже, да потолще,
Что баба сарафанная на вид.
Хозяин усмехнулся: «Вроде тещи, —
Лишь спичку поднеси — и зашумит».
А третий был всех более заманчив:
Высок и легок, по бокам — узор.
Махнул хозяин: «Ежели для дачи,
Бери его. Не самовар — собор!»
И из жаровни, сумраком забитой,
Он вытряс без печали и тоски
Золу минувших красных чаепитий
И славных лет седые угольки.
«Так сколько же?» — замылся гость приезжий.

«А, что там, на красавца, получай
И — в магазин. Я человек не прежний,
Я чай не пью, так надо не на чай...»
И вот покупку спрятали в багажник,
Бумагой притушили сверху жар...
Ну что ж, судьба изменчива, и даже
Твоя судьба, российский самовар.
Отныне будешь не в избе — на даче
Казать гостям свою былую статью.
Пока они о старине судачат,
Ты станешь словно церковка блистать.
Не от углей, а от сосновых шишек
Теперь тебе по выходным шуметь,
Дивить смысленых городских мальчишек,
Вставая как рассерженный медведь.
И если только бабка приведется
Среди гостей, то лишь она поймет,
Как здесь тебе невесело поется:
Не то застолье и размах не тот.
И после всех на кухоньке укроной
С тобой в молчанье посидит рядком
И, вспомнив жизнь, как земляка укроет
Тебя старинным ласковым платком.

ЖЕРЕБЕНОК

Где ивняк и свеж, и звонок
Вдоль озерной синевы,
Там родился жеребенок
В рыжем росплеске травы.
Необсохший, встал и замер.
Встал, дрожа, всего на миг
И огромными глазами
Удивился: как возник?
Головой повел, но тяжесть
Озаренной головы
Покачнула, и, пугаясь,
Он упал в озноб травы.
Мать — натруженная лошадь —
К жеребенку подошла.
Гривку ласково ероша,
Стала облаком тепла.
Он затих. Лежал послушно
И вдыхал дурман земли.
В дреме остренькие ушки
Трепетали и росли.
А потом, как и вначале,
Вздрогнул с гривки до хвоста,
И с передних ног, качаясь,
Он на все четыре встал.
Тонконогий, светло-рыжий,
С белым пятнышком на лбу,
Он стоял в траве недвижно:
Не пытал еще судьбу.
Лишь смотрел, смотрел на землю
С изумленной немотой.

И вскипали синь и зелень
В теле радостью тугой.
Слушал птиц и трактор в поле,
Потрясенно замирал,
И поскольку он не помнил —
Ничего совсем не знал.
Ни узды, кнута, ненастья,
Никаких иных времен...
Время всех других прекрасней
То, в котором ты рожден!

Тревожно, и сладко, и грустно
Звенят надо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду позднею ночью
От усталости навзничь упасть.

И тянет у заводов диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,
Глядеть на косматого бога —
На этот всеильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я не такой уж чужак,
Но хлынут весною туманы,
И хочется именно так.

ДВЕ РЕКИ

Бежит река веселыми покосами,
И по ее ольховым берегам
Избушки, сетки, пожоги разбросаны,
Манящие к ухе и пирогам.
В воде томленной, теплой и кувшинковой
Ворочаются шуки и язи.
Как острогами, тонкими вершинками
В затоны ельник сам себя вонзил.
Придя с работы, женщины купаются,
Раздевшись за кустами догола,
Издалека все будто бы красавицы,
Сверкают в зыбких радугах тела.
И воровски, с большого отдаления,
К ним подплывают ныром мужики.
И вся река притворным визгом вспенена,
И ухают здоровые шлепки...
А рядом, за малинником, скрывается,
Одним полдненным жаром налита,
Глубокая, но высохшая старлица,
Как будто глухота и немота.
На дне ее стоит осока длинная,
Которую никто не мог скосить.
И берега стоят двумя былинами
В сухом и тихом шорохе осин.
Я прохожу порой ее изгибами,
И чудится мне прозелень волны
С большими и сверкающими рыбами,
С живой водой и тайной глубины.
И мужики мне видятся далекие.
Вот только лица трудно разобрать,

Быть может, земляки: похоже, окают,
Но вдруг очнусь — и тишина опять...
По вечерам костры горят, как песенки,
И что гармошки, тянутся дымки.
Вновь многолюдно, хлопотно и весело
На станах у темнеющей реки.
Я, отвалившись от ухи наваристой,
Прикуриваю вновь от уголька
И слушаю, как шевелится в зарослях
И темным валом движется река.
А рядом, за кустом, в глубокой старице
Забрезжил белый и глухой туман.
Он кольцами витыми поднимается,
Сливается, плывет, что караван.
И вот уж вровень берега затоплены,
И в белом половодье там и тут
Недоуменно, изумленно толпами
Осины молчаливые бредут.
И пристальному взгляду открывается,
Как рядом две реки издалика
Текут, текут, и в белую вливается
Неторопливо темная река.

ЛЕТО

В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мед.
И лишь к березкам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристает.

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова был у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, был военная,
Как гнался за вражьем
Под Прагою и Веною
На танке на своем...
И был за былью вяжется,
И былям нет конца.
Что прожито—то скажется,
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.

ГОРА

Его шутливо, добродушно
Прозвали с малых лет Горой.
А был Гора совсем не дюжий
И уж, конечно, не герой.
Но так привыкли звать Горою
Его в деревне стар и мал,
Что имя доброе порою
Иной не сразу вспоминал.
И он привык к такому зову
И откликался, не браня,
Когда его, немолодого,
Звала вот так и ребятня.
И то ль от скромности излишней,
А то ль от робости какой
Всех незаметнее и тише
Он был в бригаде полевой.
И если в чем-то был виновен
Иль бригадир, иль кто иной,
Поспорив, все сходились снова,
Мол, тут Гора всему виной.
А он, к таким привыкший шуткам,
С улыбкой доставал кисет.
Трещала жарко самокрутка
На эту реплику в ответ.
И вот однажды в полдень жаркий,
В пятиминутный перерыв,
Гора газету для сигарки
Достал, карманы перерыв.
Достал и охнул над газетой,
Качая лысой головой.
Народ заметил сразу это:
— Гора, послушай, что с тобой?

— Да тут вот пишут о Берлине...
Меня там ранило тогда.
Добро отстраивают ныне,
А был — так посмотреть беда... —
И потянулось к той газете
Нетерпеливых рук кольцо,
И люди с выраженьем редким
Взглянули в светлое лицо.
И праздник вспомнили весенний:
При орденах, немножко пьян,
Ходил Гора среди веселья...
И, вспомнив, молча рядом сели:
— Давай закурим-ка, Иван!

Лес впитывал сумерки, прятал
И так чернотой набряк,
Что вместо березок опрятных,
Как нечисть, тарашился мрак.
Повеяло близостью зверя,
И люди почуяли страх.
Родимому лесу не веря,
Шагали домой впопыхах.
И все потонуло во мраке...
Но, светлый готовя излом,
Ручьями звенели овраги,
Речушки дышали теплом.
И первая смелая птица
Запела, и сразу за ней,
Чтоб утром себя не стыдиться,
Зашелкал во тьме соловей.
И в небе сверкнули полоски,
И росы сверкнули в ответ,
И, мрак отряхая, березки
Поплыли на розовый свет.

ГОРНОСТАЙ

Из порыжелого куста,
Передо мной весь на виду,
Метнулся белый горноста́й
И ослепил на темном льду.
А лед был тонок. На прыжок
Он отозвался, что хрусталь,
И, словно брошенный снежок,
Застыл в испуге горноста́й.
И замер я. Тревога нас
Связала вмиг наедине.
И две дробинки черных глаз
С реки запали в сердце мне.
Вот он отчаянно привстал
И прямо к берегу, ко мне.
Сверкнул в полете горноста́й
И вдруг растаял в желтизне...
А в небе звенья птичьих стай,
А вечер холоден и тих.
И в сердце снежный горноста́й
Летучих радостей моих.

НАСТ

Больно глянуть — столько солнца.
Ну, а выйдешь да пойдешь —
Наст морозный отзовется
Звонкой музыкой подошв.
Ни к чему теперь и лыжи:
Топни в снег — не дрогнет он.
И тебя далеко слышно,
Ты — не ты, а чистый звон.
И не тянет на дороги —
На дорогах воли нет,
Ибо вслед проходим многим
Повторяешь чей-то след.
Ну, а тут — куда угодно —
С острым взлетом новизны.
И просторно, и свободно
Среди звонкой белизны.
И обзор души разомкнут,
И уловишь, сам не свой,
Как леса по горизонту
Намокают синевою.
И почувешь, как под настом
Дремлет рыжая трава,
Стынет клюква градом красным,
Зелень озими жива.
И летишь ты, обновленный,
В этой шири снеговой,
Чуть приподнят над землею
И над будничным собой.

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина, да песок,
Да попережку скудные подзолы.
Но первый для меня ржаной кусок
Взращён на этих пашнях невеселых.
А под окошком серый журавель —
Из всех домашних птицы нет домашней —
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.
И надо мной в морщинках потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?
Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письма
Далеких предков, свернутые в трубки.

II

**РАЗГОВОР
С ХУДОЖНИКОМ КОРБАКОВЫМ**

Даль осени остылой
Печальна и чиста.
И благостен пустынный
Из тихого скита.
Со взором проясненным
Бредет едва-едва,
И гаснет с мягким звоном
Озябшая трава.
Не мой ли это прадед
Бежал от суеты
Искать для сердца правды
В озерные скиты?
Не знаю. Вьются ветви
Меж нами широко.
Так почему — ответь мне,
Владимир Корбаков,—
Повеет вдруг — не богом —
Пронзительным до слез,
Лишь гляну на глубокий
На нестеровский холст.
Встревожит знаком вещим
И в сердце упадет
Тот взгляд, в себя ушедший,
И посох мудрый тот.
И тронет ненароком,
Вся в инее насквозь,
Из той поры далекой
Рябиновая гроздь?..
Ответишь мне по-свойски
На то, что я спросил,

Что это отголоски
Исчезнувшей Руси.
С какой надеждой краткой —
Ты скажешь — приглядишь,
В мучительной догадке
Дышала эта кисть
Травой, цветком, росинкой,
Чтоб выявить одно:
Куда ж идет Россия,
Что сделать ей дано?

...Нелегок путь до истин,
И бились неспроста
Пророческие кисти
На золотых холстах.
А Русь простолюдинкой,
Тоскуя и грозя,
Все шла, и плыли в дымке
Прекрасные глаза.

...Летят все круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты.
И в ней опять загадка
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

Иконописец-вологжанин,
Явивший миру этот лик,
Для нас остался безымянен,
А для художества велик.
Он запирался в скудной келье,
Постился, набожен и строг,
Чтоб огонь, таинственный доселе,
И дух, и плоть его возжег.
И озорялся мастер взором,
И дерзновенной кистью он
Творил свой помысел, в котором
И высь, и твердь, и скорбь времен.
Прекрасный лик, рожденный кистью
На скромном вытесе доски,
Дышал и веял в сердце высью
Среди сует и смут мирских.
Глаза пророчески зывали
И к единенью, и к добру.
И предки наши в час печали
Им отзывались ввечеру...
А годы шли, безбожье сея,
Но, помня путь родной земли,
Из храма веры в храм музея
Икону люди принесли.
Она, как луч забытых сказок,
Людей дивила всякий раз
Движеньем черт, сияньем красок
И глубиною древних глаз.
Вошел в музей с личиной лунной
И рисовальщик, живший здесь.

Томясь корыстью скудоумной,
Сорвал икону и исчез.
В свою укрывшись мастерскую,
Пришельцу чуждой стороны
Он продавал ее — такую,
Которой не было цены.
Он поднимал свой тонкий палец,
По лику древнему скользя.
Грозой и скорбью наливались
Заполоненные глаза.
Из мглы времен, из дальней дали,
Преодолев за веком век,
Они как будто вопрошали:
«Се человек?»... О, человек!..

РАДУГИ ДНЕЙ

Лишь я подумаю: а сколько
Людей ходило до меня
По этим тропкам и проселкам
Вот точно так на склоне дня,
Остановлюсь в тоске внезапной.
Немало было лучше нас.
Их волновал и хвойный запах,
И шум ручья в вечерний час,
И в эти синие пределы,
Где горизонт неуловим,
Подобно мне они глядели,
Нет, это я — подобно им.
Вступив под лиственные своды,
Томились в трепетной тиши
Перед величием природы,
Непостижимостью души.
...Ушли они, оставшись в тропках,
В дорогах, кои пролегли
Для нас не близко, не коротко,
А до границ родной земли.
Не взяв ни камушка — не надо,
Ушли они, оставив нам
Сиянье дней в сто тысяч радуг,
Как мы оставим сыновьям.
И если б думали мы чаще
Об этом в быстрой смене дней,
То были б в жизни настоящей
И помудрей, и поскромней.

Вновь на заре хозяйка
Меня к столу зовет:
— Ну, гостенек, вставай-ка —
Позавтракать черед.—
А в чашке до закрайка
Опять желтеет мед.
Ах, мед! Янтарной глыбой
Морозно он огруз.
Зернист — к ножу не липнет.
Не выворишь — густ.
То клеверком, то липой,
То яблоней на вкус.
Беру я понемножку,
Чтоб оценить сполна.
Сует хозяйка ложку
Серебряную — на.
Смотрю: узор хороший —
Из Устюга она.
— Да пробуй, пробуй,— снова
Хозяйка мне поет,—
Поди, не ел такого —
У нас на травах мед...—
Уже само и слово
Так к языку и льнет.
Его я повторяю —
И в зимнее окно
Взаправду веют травы,
А с ними заодно
Славянские дубравы —
И жарко, и хмельно.

Меды в ковшах бродили,
И в дальних далях, там,
Садился князь Владимир
К дружине и гостям.
Меды во имя мира
Катились по устам.
Пылала песнь Бояна
Под чаши в горький год.
И эта песнь не вянет
Про Игорев поход,
Как дух густой, медвяный,
Из века в век плывет.
...Всего бывало вдоволь,
И многое ушло.
Но в каждом нашем доме
Всегда лежит светло
В посуде круг медовый —
Земли родной тепло.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

На острие речного склона
Сосна висела высоко,
Как будто колокол зеленый
С обронзовевшим языком.
И Петр велел гребцам причалить.
Без передыху взлез туда,
Где вровень с царскими плечами
Синела хвойная гряда
И земляничным ветром дуло...
Он сел, разувшись на траве,
И государственная дума
Затяжелела меж бровей.
Деревни ближние окликав,
Собрали мужиков зараз
У той сосны, где Петр Великий
Сидел и пил холодный квас.
Столпились мужики тревожно.
А царь встает и говорит:
«Скажите, можно ли до Ковжи
Отсель самим реку прорыть?»
И отвечали: «Отчего же?
Как скажешь, царь, тому и быть.
Все можем для Руси, все можем —
Что турок бить, что речку рыть...»
Доволен Петр таким ответом.
На берег бочка сгружена —
И мужиков зовут отведать
За сговор царского вина.
Ох, и забористо цареву,
Хмельно бордовое вино.

Под стать вину цареву слово —
Оно и крепко, и красно.
Петр говорил, что краем здешним
Судам в столицу должно плыть...
Быть не легко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопатой-маткой,
Да еще — батькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ В ПАРИЖЕ

Как выстрел, грозное известье
Скатилось в утреннюю тишь:
«Вступают русские в Париж!»
И сразу дрогнули предместья.
Сшибались в панике повозки,
Храпели кони на мостах...
О боже! За пожар московский
Они Парижу отомстят.
...Полки торжественно входили,
И с высоты лилась, хмельна,
На гренадерские мундиры
Апрельская голубизна.
— Да здесь, ребята, красно лето,
Куда нас, братцы, занесло!—
Шинели бросив на лафеты,
Солдаты щурились тепло.
И в том строю, причастный к славе,
Перехватив ремнями стан,
Летел в седле веселый, бравый
Российской службы капитан.
Он счастлив. Он сейчас не помнит,
Что в Петербурге знаменит,
Что в тишине лицейских комнат
Его певучий стих звенит.
Он просто русский! Он в Париже!
Он из Москвы пришел сюда,
Чтоб нашу речь Париж услышал
И чтоб запомнил навсегда.

Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку-Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери.
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ

Н. М. Паутову

Прохожу я по музею —
Вековому рубежу...
Не восторженно глазею,
А возвышенно гляжу.
Да, не зря в душевном рвенье,
Не жалея дней и сил,
Все окрестные деревни
Собиратель исходил.
Удивлялись: да на что вам?
Ну, а он искал, что мог.
Будто бы со дна речного
Золотой ловил песок.
Из-под тягостного ила
Поднимал, чтобы сполна
Зацвела, заговорила
И запела старина...
Свет и тень летят на сердце,
Время сдвинуто плечом.
Людам есть во что взглядеться
И задуматься о чем.
В холодке резные прялки,
Будто стяги дней льняных,—
Подойди, почувствуй — жарки
От любви, согревшей их.
Дуги — радуги бывшие.
Пояса — полоски зорь,
Ну и лапти, лапти в глине —
Посмотри, но не позорь...
Собиратель, честно маясь,
Захотел черпнуть до дна,

Но достал одну лишь малость:
Ох, глубока старина.
Все, что тяжело,— потонуло,
Что не понято,— ушло.
Лишь плывет высоким гулом
Что насущно и светло.
Эти прялки огнелики,
Эти дуги, шаркуны —
Только звоны, только блики
Той — под нами — глубины.
Эти льны, как утро, явны,
Кружева, как вздох, чисты —
Только тихое сиянье
Той — меж нами — красоты.
Эти древние строенья
На холмах земли родной —
Только выдох изумленья
Той — над нами — глубиной.

ЕНЯ

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь по прозвищу Еня
Здесь лет полтора ста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Ее называли вползушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлестко,
Качнет ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падет.
Все шишки летели на Еню,
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня стоял, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крякнет: «А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет».
...Уж трижды из елок из новых
Рубилась деревня с тех пор.
А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А нá тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.

А все объясняется просто:
Такие, как Еня, спроста
Веселую искорку бросят —
И светится искорка та.
И мы, не без легкой причуды,
Кидаем веселый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

ЗАСОДИМСКИЙ

Как будто бы лесник рыжебородый,
Из-за Двиницы солнышко взойдет
И в ельниках потопчется, побродит
И двинется по деревням в обход.
В Петряеве озолотит задворки,
В Нелидове осеребрит дымки
И выхватит из тьмы усадьбу Горки,
Где дом красив и липы высоки.
Здесь в свежести речного закоулка
Засо́димский у тетушек опять
Скрывается от взгляда Петербурга,
Чтоб горький взгляд России увидеть.
Как пишется ему в глухой усадьбе,
Когда вокруг горит осенний лес!
И, кроме теток, то, что он — писатель,
Никто, конечно, и не знает здесь.
Он любит утро. На крыльцо выходит.
На нем толстовка серая вразлет.
«Однако же какой сегодня холод!»—
Он ежится и руки зябко трет.
Хоть знает, что в натопленной гостиной
Уж стол накрыт, и деревенский чай
Из-за его медлительности стынет,
И тетушки, наверное, ворчат.
Но, запахнувши полы потеплее
(Он стар уже и часто нездоров),
Идет к реке рябиновой аллеей,
Где кисти будто гребни петухов.

Он думает в мучительном бессилье
(Опять о том!), как на путях разлух
Не растерять в развитии России
Народный облик и народный дух...
С реки пахнуло мокрою осокой —
И вот Двиница в синеве излук.
И он стоит на берегу высоком,
И деревеньки топятя вокруг!
И хочется ему, чтоб на страницах,
Как по Двинице в этот чистый день,
Сумели бы надолго отразиться
Тоскующие окна деревень.
...Я знаю этот край, и он мне дорог,
И неизбывно на душе тепла.
Опять всхожу с пригорка на пригорок,
Как будто в жизнь, что есть и что была.
И кажется: я подойду поближе,
Раздвину годы, что кусты раки,т,
И в листопаде золотом увижу —
На берегу Засодимский стоит.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

1. УЛИЦА

Морозом изукрашенный,
Автобус бег сдержал.
— Остановка Яшина, —
Водитель сказал.
Я вздрогнул: память горькая
Не умирает век.
А за дверными створками —
Народ, дома и снег.
Все закружилось сызнава,
И встал передо мной
Он, очень трудно признанный,
Приехавший домой.
Держал красиво голову,
Годами умудрен.
Посмотришь — выше в городе
Всех на голову он.
Допытывал на родине
За стопкою вина:
— Что пишите, не врете ли?
Смотрите — жизнь одна. —
И взгляд — души окалина —
Горел, неотразим.
Мрачнел, когда лукавили
С трибуны перед ним.
Когда же в чьем-то голосе —
Забота, прямота,
Задорно светом полнился,
Орлино взгляд метал.

Твердил он без усталости,
Что честная строка
Запомнится, останется,
Быть может, на века.
И шел он с редким мужеством
Сквозь маету утрат.
...Плывут снежинки, кружатся
И сердце холодят.

2. ВСТРЕЧА

С ним на улице имени Яшина
Я столкнулся. Он сумрачно брел.
Он когда-то поэта подкашивал,
На трибуну взлетал как орел.
И рядил, и судил по-чиновничьи,
Мол, поэт ищет только сучки...
Он не видел ни правды, ни горечи
Сквозь свои золотые очки...
— Вы живете на улице Яшина? —
Я спросил. Он ответил: да, здесь.
И улыбка, смотрю, миг погашена,
Да и сам передернулся весь.
И взглянул виновато, болезненно,
Мол, прошли уже те времена.
Да, прошли. Но осталась поэзия!
К правде путь пробивает она!
Я напомнить хотел эту истину,
Но ему не сказал ничего.
Лишь взглянул на знакомого пристально:
Очень старый он. Жалко его.

3. НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

На Бобришном, к белой березе,
На карельский черный гранит

Он встает, молчаливый, в бронзе,
И стихами бронза гудит.
Мы волнуемся, кепки снявши,
С ним не виделись столько пор...
Говорим снова: «Здравствуй, Яшин!»—
«Здравствуй!» — эхом вторит угор.
И уносится эхо в пашни,
И во ржи колоску колосок
Шепчет на ухо: «Яшин... Яшин...»
Хлеб, как правду, поэт берег.
И по всем перелескам нашим
Уплывает зеленый вал.
Слышно в шорохе: «Яшин... Яшин...»
Здесь бывал он, тоску сбивал.
И летит эта весть все дальше
В пенье птичьем, в хлопанье крыл
К морю Белому: «Яшин... Яшин...»
Птиц любил он, зверей любил...
Вьется лист, с березы опавший,
Грустно падает на металл.
Над строкою думает Яшин.
Он бы раньше тот лист поднял.

4. «УГОЩАЮ РЯБИНОЙ»

В отдаленье, а будто рядом
Он стоит под красной рябиной.
Без любви, а с влюбленным взглядом,
Без вины, а с душой повинной.
Одаряет людей кистями,
Будто северной поздней зорькой.
Но объелись люди сладостями,
Разве им до рябины горькой?
В мире нет беды окаянной,
Чем к родной земле безразличье.

Раскаляется в покаянье
Слово медленное, мужичье.
Он выкатывает из сердца
Это слово, почуяв силу,
Чтоб согреться и опереться
И всмотреться людям в Россию.
В этом слове для жизни все есть:
Умудренно светит отрада,
Обнаженно тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихи его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные —
Наши клюквинки и рябинки.

В ГОСТЯХ У ПАВЛА БЕЛЯЕВА

Электричка, словно спичка,
Засверкала на лету
И уткнулась по привычке
В ельник, в снег и в темноту.

А в лесу как сказка-небыль:
Закружив, заворожив,
Сквозь деревья льются в небо
Тихим светом этажи.

Опахнуло жаром щеки:
Наконец у земляка!
Высоко летал, высоко,
Да не смотрит свысока.

Он сейчас доволен, весел.
Нас в гостиную ведет.
Тонем мы в объятьях кресел,
Будто выпал нам полет.

И свою Татьяну кличет,
И выходит к нам она,
Добрым, теплым, земляничным
Светом вся полным-полна.

И расспросы первым делом,
Как там, в Вологде, народ
Володеет, холодеет,
Молодеет и живет.

Как там ныне с сеном, с хлебом,
Как охота, как грибы...
Он вздыхает: снова не был,
А хотел, хотел побыть.

Ну, а нам-то, ну, а нам-то
Подавай скорей сполна,
Как летали космонавты,
Как там небо и Луна.

Он зовет к столу, смеется,
Мол, нельзя про все подряд.
Лишь потом, как бы от солнца,
Тихо вспыхивает взгляд.

Этот взгляд, в себя вобравший
Свет распахнутых берез,
Свет развихренных ромашек,
Свет дымящихся борозд.

Свет лица своей любимой,
Свет судьбы своей земной
И России свет лавинный,
Будто свет души самой.

Этот взгляд столкнулся дерзко,
Прошибая мрак вразброс,
С леденящей черной бездной
И кинжальным блеском звезд.

И не дрогнул!..

Но обычен
Ровный голос земляка.
Удивительно: величье
Видно лишь издалека.

Скромн облик человека.
А в ушах ракетный гул,
Что взметнул страницу века
И ее перелистнул.

...Мы размашисто гостюем,
Рад бы так — нельзя ему,
В тренировочном костюме
Даже здесь, в своем дому.

И пора прощаться с нами:
Вон и звезды уж зажглись,
Потайными письменами
Снова вычертили высь.

И мерцают в ветках зяблых,
В темной плоскости окна
И в нетронутой — ни капли —
Рюмке красного вина.

КАЛИНА

Что цветешь, калина, поздно?
И о чем душе поет
Этот взвитый многозвездно
Над проселками полет?
Трону стынущую ветку —
Снова памятью тянусь
К дорогому человеку,
Растревожившему Русь.
Рано, рано путь оставлен.
Вот и горько оттого.
Твой, калина, красный пламень
Бьется в имени его.
И под ветками твоими,
Где теперь пчелиный звон,
Не одно я вспомню имя —
Русь восходит от имен.
В них — отвага новых истин,
Гениальный разворот!
Только что-то слишком быстро
Время их дороги рвет.
Не печально ли, калина?
У тебя не оттого ль
Гроздья, холодом палимы,
Полыхают словно боль?..

КИНОЖУРНАЛЫ

Сергею Викулову

Мы полюбили в людных залах
Средь наступившей тишины
Сперва смотреть киножурналы
О людях, о делах страны.
И удивительное дело,
Что эти новости подчас
Нас больше за сердце заденут
И большему научат нас.
Кого же упрекать за это,
Что мы порой находим их
Прекрасней сказок многоцветных,
Крупноэкранных и иных?
...Сидим с тобою в чутком зале —
Ты шляпу, я кепчонку мну —
И смотрим влажными глазами
В мерцающую тишину.
А там спокойно, безбоязно
Над стрежнем, где ревет вода,
Висят, качаясь, верхолазы
И тянут, тянут провода.
Но вот уже через минуту
Иное трогает сердца —
В степи сугробной неуютной
Дрожат от ветра деревца.
И первый след машинный рядом,
И люди снегом руки трут,
И кажется, веселым взглядом
И нас туда, к себе, зовут.
У них негромкие фамилии,
Они немного смущены,

Что вот, под стать артистам, в фильме
Самих себя сыграть должны.
Но как сыграть, коль жили прямо,
Лишь безыскусственность любя,
Не для хвалы, не для экрана
И малой частью для себя.
Они снимались все когда-то,
Но лишь на карточках простых
Для вузов и военкоматов
И так, на память — для родных.
А тут — кино. Как не стесняться?
Но раз должны — так уж должны,
И вот они идут сниматься
Теперь на память для страны.
Они — немало их в России —
И на заводах, и в полях
Неподражаемо красивы
В своих неписанных ролях.

ПО ВОЛЕ НАШЕГО ПАРТКОМА

Валерию Дементьеву

По воле нашего парткома,
Как добрый знак, что я в чести,
Мне предложили в этом доме
Кружок политики вести.
Кружок политики текущей —
Мудреный, так сказать, кружок.
И вот я вновь в народной гуще,
Среди забот, среди тревог.
Уборщицы и кастелянши,
Да с ними слесарь и монтер,
Приходят поутру пораньше —
И начинаем разговор.
Я о событиях недели
Касаюсь коротко сперва
И, чтоб мои слова задели,
Ищу простейшие слова.
Названья дальних стран так странны.
Старушки, век проживши свой,
Об этих землях, этих странах
В кружке слышали впервой.
Я говорю:— Народ на Кубе
Забрал, как мы когда-то, власть,
Враги с Америкой вкупе
На Кубу собрались напасть.—
И вижу я — мрачнеют взгляды,
И боль кубинская близка,
И кто-то говорит, что надо
Помочь, не поздно же пока.
Но тут упрек несмелый слышу:
«Всем помогаем — нам почет,

Спешим покрыть чужие крыши,
Забыли, что своя течет...»
Молчанье тягостное длится.
Я жду, какой дадут ответ.
Тревожно вглядываюсь в лица —
На них раздумчивости след.
Вот начинает тетя Глаша:
«Ведь и в семье ведется так,
Что братьям младшим, сестрам младшим
Всегда опорю — большак.
Он, может, сам живет не очень,
Порою нелегко живет,
Но долей младших озабочен —
Уж так завел у нас народ...»
Народ — как наш! Ему понятна,
Ему неслыханно близка
Живущих в землях тридевятых
И боль, и радость, и тоска.
И я дивлюсь его любовью,
Его терпением дивлюсь,
И я горжусь, что эту долю
Несет достойно наша Русь!

И было то, и это было...
Да, все бывало на Руси.
Спроси великие могилы
И безымянные спроси.
Читаю древние страницы —
Они теперь мне все нужней —
И вижу лица, лица, лица
Обеспокоенных мужей.
Век золотой, в каком он веке,
В каких же насыпях следы?
Во все века врагов набеги,
И ратоборство, и труды.
И в стольном Киеве когда-то
Не ради княжеской тщеты
Висели в золотой палате
Мечи, шелома и щиты.
И сотни раз всходили травы,
Но средь и нынешней травы,
Как городских твердынь оправы,
Валы и рвы, валы и рвы.
И мировые поединки
Не столь далеких, грозных лет.
На стенах снимки, снимки, снимки —
Окопный след, траншейный след.
Какие были потрясения!
А что там, что там — впереди?
Всем существом — веками всеми —
Ты, русский человек, гляди.

ПЕРЕКЛИЧКА

Якову Ухсаю

Брожу в вологодских лесах
(О свет наших пашенных родин!)
И вижу, как Яков Ухсай
В чувашских орешниках бродит.
В обличье крестьянском его
Суровая нежность поэта —
И в мудрых глазах оттого
Так много лукавого света.
Он жизнью продут, прокален,
А жизнь — это крылья запева.
И в жизни не горбится он —
Из крепкого вытесан древа...
Я помню прощальную грусть.
Сказал он, годами постарше:
«Я смерти и той не боюсь,
Лишь в слове извериться страшно».
Он дружески руку пожал.
И, словно в лугу от ромашек,
Сиял чебоксарский вокзал
От вышивок и от чувашек...
И вот в вологодских лесах
Брожу я по ясной погоде
И вижу, как Яков Ухсай
В чувашских орешниках бродит.
Мы порознь, а ищем одно,—
Мы ищем надежное слово,
Чтоб было оно как зерно.
Ведь столько набито половы!

И в улицах, пашнях, лесах
Мы бродим упорно и долго...
«Нашел ли ты, Яков Ухсай?»
«Нашел!» — донеслось из-за Волги.

У живущих лица — не лики.
Как узнать, кто из них великий?
В чьих словах — на века заряды?
Речи часто так заурядны.
В чьих руках — миров перемены?
Руки у всех обыкновенны.
Даже самый высокий подвиг
Коллективный имеет облик.
Даже с божией искрой личность
Часто рядится под обычность...
Но твердят нам книги и были:
Гениальные люди были.
Но твердит нам тоска по чуду:
Гениальные люди будут.

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу, расстроюсь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознания — совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч,
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них шемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он пересекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горечь,
Из встреч, растрепанных уже,
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.

ПЕЧКА

Хороша в морозы тяга —
Печка в сумерках урчит.
Ощущаю за два шага
Огневые кирпичи.
И, застуженный и грустный,
Я сажусь к стене спиной.
А напротив в черном устье —
Золотисто-красный зной.
Пышет молнией белесой,
Млеет синью в глубине.
Пляшет отблеск жарким бесом
На полу и на стене.
И сижу я, как у детства
Своего на берегу.
Руки грею, но согреться .
Долго что-то не могу.
В дни свои смотрю, нахмурясь:
Кто такой там жил и был?
Кто на суетную дурость
Тратил столько свежих сил?
Кто молчал, когда бы надо
Было прямо говорить.
Оставлял в сердцах досаду,
Не умел благодарить?
А ведь мог бы жить широко,
Мудро жить, себя ценя.
Кто такой — смотрю с упреком —
Неужели это я?
Да, как многие... И что же?

Стало стыдно быть таким:
Приблизительно хорошим,
Неотчетливо плохим.
Надо тратиться умнее,
Все отдать, что нам дано.
В смысл березовых поленьев
Вникнуть, право, не смешно.
Вот накладал поленьев в печку,
И, обрадовав меня,
Вскинул искристо уздечку
Молодой конек огня.
И, смотрю, окно умылось,
Лед подтаял и потек.
И в окне сквозь ночь и стылость
Виден чей-то огонек.

За окном всю ночь кипело,
Стих наутро снегопад.
Всюду стаи белых белок
На еловых ветках спят.
А вздохнут во сне деревья,
Белки ухнут с высоты,
Распушив широковейно
Серебристые хвосты.
И в падении истают,
А осыплются вразлет
Лишь морозные кристаллы
Ослепительных высот.
И меня окатит свежесть,
Будто молодости вихрь.
Улыбнусь я и утешусь
В долгих горестях своих.
На себя взгляну иначе,
Подведу в душе черту:
Все, что важно, обозначу,
Что не важно — отмечу.
И в игре теней и света,
Как бы ни были близки,
Вспомню тех, кого уж нету,
Здесь впервые без тоски.
Вспомню в первый раз без боли
И почувствую, что сам
Переполнен весь любовью
К людям, к миру, к небесам.
Меж ушедших и живущих
Я — единое звено.

Счастлив я, что в мире сущем
Мне еще любить дано...
Снег горит на косогоре,
И прозрачно стынет тишь.
Издалёка слышен говор
И поскрипыванье лыж.
Жду. Смотрю. Проходят двое
И уводят за собой
Что-то чистое такое,
Будто полдень голубой.
Я шепчу им вслед: счастливо!
И скрываются они.
Плещут солнечные ливни
В потайные две лыжни.

ЗАВЕЩАНИЕ

Памяти батька Василия

Он умирал... Что завещать?
Вещей совсем не нажил,
Хоть век свой думал о вещах,
Которых нет в продаже.
И все ж хотелось по себе
Племяннику на память,
Что было дорого в судьбе,
Чего-нибудь оставить.
Рубанки, что ли, топоры?
Он их ценил, крестьянин.
Они исправны и добры —
Вон весь верстак заставлен.
Но нет: племянник городской...
Скрестя бессильно руки,
Он этой думой, как тоской,
Свои усилил муки.
Лоб холодел, как от росы,
И сердце стало падать.
И вдруг он вспомнил про часы!
«Часы, — вздохнул, — на память.
С войны, — добавил, — мировой...»
И в полутени липкой
Вдруг осветился, сам не свой,
Далекою улыбкой.
Часы — они кружком глухим
Забыто холодели
В мешочке, сшитом им самим
Из лоскутка шинели...
Я взял часы. Со скорбью взял...

Штрихами гравировки
На крышке врезаны в металл
Крест-накрест две винтовки.
А возле них по серебру —
Что пули — точки ровно
И «За отличную стрельбу»
Начертано сурово.
С трудом нашел я те слова,
Что тут необходимы.
Часы в руке, блеснув едва,
Затмились горьким дымом.
Старик у смертной полосы,
В безвыходной печали,
Затих и смолк... И лишь часы,
Одни часы стучали:
Они в тот миг огнем зажглись,
Толкнула тяжесть в спину,
Как будто прожитую жизнь
Старик к моей придвинул.
И все мое, что он берег:
Рубанки да ножовки,
Шинели серый лоскуток,
Крест-накрест две винтовки.

ПАМЯТЬ

Я знаю, что это не ново,
Но сердце болит оттого,
Что липы густеют медово,
А в доме и нет никого.
Не пчелы, как прежде, а овод
Гудит у плеча моего.
Хозяйка не выйдет навстречу,
Хозяин, как свой человек,
Не хлопнет меня по заплечью,
Мол, вспомнил, прибрел на ночлег,
Их чистой окатистой речью
Душе не умыться вовек...
А было — мигнет мне хозяйка,
Мол, деда опять повело,
Мол, к меду поближе давай-ка,
А то от вина тяжело.
И чаю нальет — вот заварка,
И веяло жизни тепло...
Что минет — воротится в душу...
Как мелко я жил и дружил,
Как мало я слушался, слушал,
Как редко гостинцы возил...
Сжигает полынною сушью
Меня у родимых могил.

* * *

Самолет охапку грома
Сбросил в тихой синеве —
И поленница у дома
Раскатилась по траве.
И щемит от мысли душу:
Как непрочен наш покой,
Как легко теперь разрушить
Мир зеленый, вековой.

Его осанка, подбородок, взгляд
Исполнены надменности усталой.
И тем, которым был когда-то рад,
Теперь кивать при встречах перестал он.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем.
Но к людям он пешком не выйдет ныне,
А изредка в величии своем
На персональной явится машине.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем,
Но люди ждут его в приемной днями,
Скандалят иногда с секретарем
И кабинет распахивают сами.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем...
А так ли это, если мы рассудим?
Не вышел он ни сердцем, ни умом,
Как говорится, чтобы выйти в люди!

НИЧЕЙ

Его давно мотает —
Где лучше, угадай —
Из Мурманска к Алтаю,
С Алтая в Магадан.
Оседлой жизни нету,
Как будто ошалел.
И вот сегодня в этой
Он дьявольской жаре.
Вновь пиво льет казашка,
А пена — что за черт? —
Как белая ромашка,
С его руки течет.
Опахивает давним,
Далеким и родным,
Как будто с маху ставни
Смывает перед ним.
На севере России
Его крестьянский дом
Всплывает в снежной сини,
И мать-старуха в нем.
И снова знак вопроса
Прорежется серпом:
Зачем же близких бросил
И свой обжитый дом?
Зачем же он уехал?
Земель далеких зов?
Но он не мог без смеха
И слышать этих слов.

Нет, он другое вызнал
И высмотрел давно —
Лишь зависть к легкой жизни,
А где — не все ль равно.
И, в думах разбираясь,
Он чует, что уже
Родительская завязь
Разорвана в душе.
И тягостно от мысли
Бывает средь ночей:
От близких независим —
И вот уже ничей.

Здесь мельница была. Заросший вид.
И до него мне — никакого дела.
Но для кого-то здесь ивняк шумит,
Как прежде грустно мельница шумела.
А дальше берег, оголенный весь.
Была же роща. Нет ее в помине.
Но звень гармошек, что томила здесь,
И с пустыря иным слышна поныне!
Вот ельник на пути. Тот самый, тот.
Брусничники в нем стелются втугую.
Другой здесь с равнодушием пройдет,
А я, тебя припомнив, затоскую...
И так во всем, что видится сейчас
Иль наплывает памятью живою,
Хранит природа сокровенно связь
Вот здесь с твоей, а там с другой душою
Во всем — недавно было иль давно —
Есть чья-то радость, боль иль просто мета.
Людскою тайной все озарено.
Безгласного и пня в природе нету.

Свои раздумья темный лес
Высоким слогом выражает.
Могучий ямб родился здесь,
И внял ему старик Державин.

Была таинственная связь
Лесов с душою человеческой.
Она давно оборвалась,
И стали разными наречья.

Но всякий раз чащобный вид
И шум раскатистый тревожит.
Душа внимает и дрожит,
Но этот шум понять не может.

Схватив корзины, ведра, рюкзаки,
С практическим и жадным интересом
В лес поутру бегут отпускники
И бродят, бродят, словно бредят лесом.
Не разгибаясь, шарят там и тут,
Лишь слышно, как трещат сучки под ними.
Берут грибы и ягоды берут,
Но вот, устав, они глаза поднимут —
Извечный шум плывет среди ветвей,
И беспредельно синева струится.
И сразу взгляд становится светлей,
Задумчивее суетные лица.
И в лицах на мгновение одно
Тогда черты возникнут за чертами,
Какие были в них, но так давно,
Что люди навсегда забыли сами.

МАСЛЕНИЦА

Не чудится ли? Тройка
Площадью рысит!
И в первый раз в сторонке
Держатся такси.

Откуда эти лошади
Оказались тут?
Неловко, огорошенно,
Конфузливо бегут.

За ними сани старые,
А в них — полно ребят.
Веселые и самые
Счастливые сидят.

Ах, масленица! — вспомнил.
Всего захолюня,
Не лошади, а кони
Уже возле меня.

И в синеве заснеженной
Хохочет бубенец,
Полозья площадь режут
Из конца в конец.

А сани точёны,
А дуги золочёны,
И конь мой — здесь
В жарких лентах весь.

На скрещенье дорог
Красных девок табунок.
Я поводья тяну:
Вижу, вижу одну.

Все смотрю сбочка,
Как на яблочко,
Набираю и сжимаю
Снега белого комок.
Он летит на полушалок,
Рассыпаясь возле ног.

Ох, догадлива, смела,
Серым глазом повела:
— Не заигрывай так,
Прокати лучше...—
И уже конь-ветряк
Задевает тучи.

Я кричу:— С чего начнем,
Чем прогулку кончим?!—
У нее горят огнем
Не глаза — очи:
— А блинами мы начнем,
Поцелуем кончим!

СОВЕТ

Ты тоской себя не мучай —
Поброди среди людей:
Чья-то жизнь благополучней,
Ну, а чья-то и трудней.
Посмотри — и легче будет,
Отвяжись от немоты.
И поймешь, что в шумных буднях
Не потерянный и ты.
На себя, как на чужого,
Беспощадно рассердись.
Если надо, трижды снова
Начинай дела и жизнь.
Начинай с ожесточеньем,
Знай об этом только сам.
Не ходи за утешеньем
Ни к родным и ни к друзьям.

ПЕЧАЛИ

Печали думать заставляют
И в шуме жизни, и в тиши.
Они, как свет в ночи, являют
И ширь ума, и глубь души.
И чтобы души не мельчали,
И чтобы разум не угас,
Не оставляют нас печали...
Беда, когда оставят нас.

* * *

Пройдет и это, как сказал поэт
С улыбкой и печалью ясновидца.
Замены нет и повторений нет
Того, что было иль должно явиться.
Сажу на берегу в закате дня,
Смотрю на серебро воды... Так что же?
Ведь вместе с тем, что ненавижу я,
Пройдет и то, что мне всего дороже.

ДОЖДИНКА

Всего лишь капля... Миг — и нет,
Но с неба скатится дождинка —
И вырываются на свет
То лист, то почка, то травинка.
Всего лишь промельк, знобкий след,
Но ей полет высокий ведом,
И пласт моих прожитых лет
На миг она пронзает небом.

СЛАВА

И честолюбие, и слава
Томили с юности, и вот
Душа взметнулась и ослабла,
Почуяв будничности гнет.
Душа взметнулась впрямь как птица,
Но та, что осенью, отстав,
Взлетает в небо, чтоб разбиться
О беспощадный ледостав.
И перед этой тайной явью
Твердит усталый человек,
Что не подвержен он тщеславию,
А славы не желал вовек.

РАБОТА

Сыну

Советами своими не мешая,
Скажу я об одном наверняка:
Гнетет работа — знать, она чужая,
Своя работа в тягости легка.
Порой и обессилит, и измучит,
Навалится бессонницей она,
Но сделает тебя сильней и лучше,
И ты в ней весь, и этим жизнь красна!
А сколько тех, кто, сил своих не вызнав,
Век проживет, не сделав ничего.
Их тяготит в пути не бремя жизни,
А гнет неразуменья своего...
В себя смотри уверенно и строго
И выбирай работу навсегда.
А слава — что? У славы места много,
Но больше мест почетных у труда.

ТЕЛЕГРАММЫ

С годами я стал и впрямь
Встревоженно суеверным.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг — из нашей деревни.
Там стынет родимый дом
Большой, неуклюжей лодкой,
Повернутой кверху дном
Возле рябины горькой...
А очень нравилось нам
Встречать почтарей когда-то.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг от сына-солдата.
Ведь с той и с другой стороны,
Где он на рубеж поставлен,
Смертельно расчехлены
Запасы всемирной стали...
О дружбе твердил я сам,
Что нету прочнее круга.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг — от старого друга.
Он что-то стал нездоров,
А жил — и в беде не хмурился.
Всегда у него меж слов
Лукаво таилась мудрость...
Пройдя сквозь горечь утрат,
Мы поняли запоздало,
Что мир так людьми богат,
А близких, в сущности, мало.

И как же хочется нам,
С годами многое вызнав,
Теперь читать по утрам
Лишь письма. Добрые письма.

ПРИЯТЕЛИ

Бывало, утром весело
Приятеля разбудят —
И к черту равновесие
Праздников и буден!
Все в жизни перевидели
И ко всему готовы
Ценители, любители
Что поострей — такого.
Они — мне все приятели.
И я — для всех приятель.
Они рубли не прятали,
И я рубли не прятал.
Лишь иногда внимательно
Глядел, тоской задетый:
А ладно ли, а надо ли,
А верно ли все это?
Все выслушано, вызнано,
Поведано друг другу,
Но начинали сызнова
Мы по второму кругу.
И молча знали загодя:
Нет денег — будут скоро:
Они — не рожь, не ягоды —
Растут в любую пору.
Ох, мы не деньги тратили,
Да, тратили не деньги.
Приятеля, приятели —
Пропашие недельки!
В себя с тревогой вслушался
И в них всмотрелся остро

И обмер: каждый в сущности —
Как обмелевший остров.
Вода, большая, пенная,
Ушла, и остров стынет
С кореньями, камнями
В густо-зеленой тине.
Враз опахнули трезвостью
Оконные квадраты.
Себя толкнул я с резкостью,
Чтобы сказать: «Ребята!
Одно я вспомнил правило —
Из века в век так было:
Мужчин безделье старило,
А дело молодило...»
Луна плыла над городом —
Наш вечный провожатый.
Мы расставались коротко
И без рукопожатий.

Ветры с севера подули,
Эх! с родимой стороны.
Мои думы, словно угли,
Пламенно раскалены.
Зашумели, закачались,
Залохматились леса.
Моря Белого курчавость
Заплеснула небеса.
Ветры с севера всё дале
Завихряли пыль с холмов
И с налету охлаждали
Праздный жар пустых голов.
Легкодумные затеи,
Своеволие страстей,
Беззаботный и шутейный
Крен к делам и жизни всей.
Ветры с севера всё шире,
Всё мощней неслись, как весть,
Что в тревожном нашем мире
Трезвость есть, суровость есть.

Бывает, ельниками еду,
От качки задремать готов —
И вдруг сверкнет в минуту эту
Один из древних городов.
Душа не меньше будет рада,
Когда из леса город тот
Сперва не крашеным
Фасадом,
А легкой церковкой всплывет.
Нет, не поповские святыни —
Мужицкий гений в камне жив.
Соборы — витязи седые
В шеломах средь лесов и нив.
Они столетьями на север
Из глубины Руси брели
И на холмах крутых осели,
Как будто сторожа земли.
И возле них, теперь уж
Тусклых,
На камне травянится грусть.
Я вспоминаю здесь, что русский,
И тем, что русский, я горжусь!
И не молитвенно настроясь,
На атеизм и сам горазд,
Во мне опять занает совесть,
Когда увижу без прикрас,
Что скоро этих стен не станет...
Не камни рушим, а века
И нашу собственную память.
Ужель она не дорога?

* * *

Для черствого сердца
Нет большей улики,
Чем окрики злые
Да грубые крики.
Накопится совесть —
Утишится голос,
И скажется все,
Что из боли исторглось.

СТАРЫЙ САД

Вот он, старый сад дворянский.
В нем пылают деревья,
Словно огненной раскраски
Купола и терема.
Ветры в нем, влетая с поля,
Затевают перегуд.
Чей он был, в округе помнят
И не очень берегут.
Неужели так глубоко
Неприязнь была влита,
Что до нынешнего срока
В отчужденье красота?
Или стали равнодушны
В ежедневной суете
К этой сквозь века идущей
Беззащитной красоте?..
Глохнут были, вянут сказки,
Меркнут песни от порух.
Не дворянский — бесхозяйский
Здесь давно витает дух.
Захожу под тень столетий —
Тленом веет от земли.
Златом кованные ветви
Небо криво оплели.
Под ногами листьев шорох,
Пни темнеют там и тут,
Как ладони, на которых
Липки тонкие растут.
Держит сам себя, как может,
Одинокий этот сад.

Ни скамеек, ни дорожек,
Ни беседок, ни оград.
Сад гудит и ветви грудит,
На разор годам открыт,
И над всей глухой округой
С горьким вызовом горит.

УРОКИ

Жену обидеть — выхолодить дом
И самому обогреть потом.

Обидеть друга — друга потерять,
Умножив без того число утрат.

Обидеть мать, которая, любя,
Тебя вскормила — потерять себя.

КУЛИГИ

Бывало, я найду кулигу —
Ну, свежий ягодник в бору —
И никого к себе не кликну,
А, затаясь, один беру.
И день за днем тропу дозору,
Чтоб не наткнулся кто иной,
И, будто краденые зори,
Ношу бруснику за спиной...
Об этом я случайно вспомнил,
Мальчишек встретив в тех лесах.
Шли порознь. Кто с корзиной полной,
А кто — увы — с тоской в глазах.
И замер я как виноватый,
К иному склонный дележу,
И закричал: «Пошли, ребята,
Я вам кулиги покажу!»
Но под восторженные клики
Я не узнал родной земли.
Ну где же прежние кулиги?
Все заросли, все заросли.
И ребятня печально сникла,
И я почувствовал тогда,
Как опухнула та брусника
Жарком давнишнего стыда.

* * *

Слепят меня у теплой лавочки
Травинки росные с утра,
Как бы зеленые булабочки
С головками из серебра.
И удалые подорожники
То покачнутся, то замрут.
В ладонях держат осторожненько
Бог знает что за изумруд.
Тропинка золотыми слитками
Передо мной умощена,
И кружевную нитью выткана
Среди ветвей голубизна.
Всё для души! Желать чего еще?
Любуюсь, радуюсь опять
И на несметные сокровища
Остерегаюсь я ступить.

* * *

Седину носить не стыдно —
Знак отличия навек.
Издалёка сразу видно,
Что бывалый человек.
Седину носить не просто —
В ней свой отблеск обрело
Дум нелегких благородство,
Дней прожитых серебро.
Седину носить красиво —
Чистым снегом порошок,
И охота с большей силой
Лучше прожитого жить.

* * *

Время будит... Звон часов
Падает, как будто
Это падает засов
Из потемок в утро.
Выходи и день твори!
Что-то, что-то будет...
Торопись: на две зари
Жизнь твоя убудет.

Всего на свете хуже,
Хитрей всего — угар.
Намаемся на стуже
И рвемся в самый жар.
Кто — к печке, кто — к мотору,
Кто — к дикому костру,
А кто — и к разговору,
Где искры на ветру.
Скорей бы отогреться!
Не чувствуем сперва,
Как стелется под сердце
Опасно синева.
Лишь легкое круженье,
Жужжание в ушах
И первое крушение —
В сторонку шаткий шаг.
В груди сильней удары,
Мы мним, что от тепла,
А это — от угара,
И кругом жизнь пошла.
Запросы, да вопросы,
Да вперевёрт езда —
И вот уже заносит
Черт знает и куда!
Очнешься в бездорожье,
Когда ты жив едва...
Так ум-то для чего же,
Своя-то голова?

Печений горы целые —
Что хочешь выбирай.
Все белые да белые —
Ржаной бы каравай.
Кипения эстрадные —
На всякий срок и слух.
Все ладные да складные —
Родных бы нескладух.
Напитки за прилавками —
Пожалуйста, любой.
Все сладкие и сладкие —
Воды бы ключевой.
Объемами и суммами —
Во всяком деле счет.
Все умные, разумные —
Душевных бы еще...

* * *

Я иду зеленым полднем,
И не молод, и не стар.
Добрым чувством переполнен,
Терпеливей к людям стал.

К разным толкам-перетолкам,
К суматохе заводной,
К ссорам долгим и недолгим,
Даже к глупости самой.

Но печально в близких людях
Видеть в подлинности всей
И пустое честолюбье,
И разгар пустых страстей.

...Ухожу я восвоюси,
Бросив лишь с улыбкой взгляд.
«Почему ты рассмеялся?»—
Возмущенно говорят.

Молодые, жизнь в начале —
Не понять им все равно.
Лишь в ответ скажу печально,
Что на них глядеть смешно.

Это все давно я вызнал
И умею сам решить:
Что идет от сути жизни,
Что — от мелкости души.

Обостренной стало мненье,
И спокойнее ответ,
И ровней сердцебиенье,
И все горше привкус лет.

III

* * *

Мы —

 как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.

Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю —
И вершину знобит.

ГРАНИ

Дома у клеверных окраин,
Глядишь, прорежутся опять
И обожгут то красной гранью,
То белой гранью ослепят.
И поле-полюшко все уже,
Все ближе плещется ячмень,
И кран подъемный полукружьем
Висит на грани деревень.
Скорей бы он достал их, что ли!
Смотрю я на места свои
И липу обнимаю с болью,
Примятую у колен.
Я не какой-такой, конечно,
И верен сызмальства родне,
Но я и здешний, и нездешний
Теперь в зеленой стороне.
Я хлебопашеского древа,
Но лишь с меня который год
Оно шумит не над деревней,
Оно над городом растет.
Непросто ветвью быть последней
И цвезть уже в черте иной,
Когда в глуби тысячелетий
Прямой и трудный корень твой.
Непросто быть на самой грани
И вырастать наискосок,
Когда порой саднит и ранит
Идущий с корня горький сок.
Но ветвь растет! И гонит время
В ее листву свои ветра.

И пронизательнее зренье
Во мне сегодня, чем вчера.
Я дни беру в росе и травах,
Граню, врубаю их в металл,
Но вдруг усталость свяжет странно,
Как будто я стога метал.
Приду под вечер в дом огромный,
Усталость — с плеч, из сердца — грусть,
Но где-то скажется гармония,
И не сдержусь, к окну рванусь.
Весь день в движенье равномерном
Я с городом наедине.
Но только ночь — и вновь деревня
Тоскует и поет во мне.
И телемачта ночью синей,
Что мне над крышами видна,
Нередко чудится рябиной,
Которая красным-красна.

ГАРМОНЬ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодежи.
А мой товарищ
Грустит опять:
«Где, не знаешь,
Гармонью взять?»
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливый праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек,
Плывет гармония,
Как ночь черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
«А ну, товарищ,—
Все ожили,—
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее...»
Коснулся ухом —
Прохладен лак.

Запела глухо,
Несмело так —
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,
Как ястреб, — в круг!
Эх, полы, полы,
Нас попомните.

До чего же малы
Нынче комнаты!
И так и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь — она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:
Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром —
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!
...За окнами — город,
Дома в тени.
Значит, скоро
Взойдут огни.
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленой
Виноградиной.

СУХОНА

I

Сквозь дрему, сквозь думы плывет теплоход.
Вдруг сеном иль хвоей на миг опахнет,
А сердце и долго, и сладко болит.
Налево ли глянем, направо ли — вид!
А Сухона ширится с плеса на плес
И катится к небу в сиянье берез.
Хорошие парни, мы едем так,
Как в жизни живем: от друзей — ни на шаг...
Уже холодит наши лица росой,
Вот первая пристань — поселок лесной.
Над пристанью — елка. На елке — луна,
Как желтый динамик укрепена.
И сыплется сверху такой перепляс,
Что камушки скачут оттуда до нас.
Мы видим: товарищ у нас молодой
Стоит и тоскует над черной водой.
А с берега девушки лет двадцати
Нам машут руками и просят взойти.
Ах, чертов динамик на берегу,
Ах, четкий рисунок девичьих фигур!
И самый красивый товарищ из нас
В каюте берет чемодан, извинясь,
— Во мне, — говорит, — возник интерес,
Я, — говорит, — завербуюсь в лес... —
Конечно, разлука с другом горька,
Но разве удержишь холостяка?
— Ну что ж, — отвечаем, — раз интерес,
Иди, — отвечаем, — осваивай лес... —
А Сухона волны бросает внахлест
И катится дальше в мерцании звезд.

Мы едем и едем. Уже рассвело.
 Вот новая пристань — на взгорье село.
 Доярки спускаются — любо смотреть:
 У каждой по солнцу в веселом ведре.
 Садятся к бокам пудовиц вдоль реки —
 Колени, как ядра, смуглы и жарки.
 И видно под низом коров вдалеке,
 И небо, и берег другой в сосняке.
 На фоне таком все звончей и звончей
 Вскипает одиннадцать белых дождей.
 А мы фотокамерой шелк да шелк,
 А бабы смеются: знаете толк...
 Откуда такие явились-взялись?
 Мы тощих таких не видали в жисьь.
 Особо глядит одна, сторонясь,—
 Заметно краснеет старшой у нас.
 — Ослабли, как видно, в житье городском,
 Останьтесь у нас — отпоим молоком...—
 Ах, добрая гóстьба и ласковый взгляд
 Все сделают с сердцем, чего захотят!
 Сидит наш старшой и вздыхает всерьез:
 А может, и вправду податься в совхоз?
 А бабы ему:— При уме-то таком
 Ты будешь, конечно, учетчиком...—
 И вот он зовет нас в сторонку, за дверь.
 Мы видим: и здесь не минуем потерь.
 А Сухона в борт ударяет стальной
 И ухаает, бухает белой волной.

3

Туман очертания берега стер.
 Но едем все дальше и видим: костер,
 Как рыжий бычок в травостое густом,
 Бодается, прыгает, машет хвостом.

Мы мимо плывем посредине реки,
Но нас окликают. Глядим: рыбаки.
— Хлеб-соль,— говорим. А они:— Хлеба ись.
Давай до утра на прикол становись:
Вода тут бойка, а ночка глуха...—
И мы к мужикам, а у них — уха!
А рыба-то, рыба возле куста,
От пламени кажется впрямь золота.
— Стерлядки,— светлеют лицом рыбаки,—
Здесь лавливал, бают, Петр Первый таких...—
И мы представляем: сияющий Петр
Вперед мужиков достает перемет,
И в лодку к нему, серебристо горя,
Все шлепает стерлядь и брызжет в царя,
А он, утираясь, кричит, хохоча,
И требует всем по ковшу крепача.
...Лежим у костра мы — трава суха.
В янтарных звездах стерляжья уха!
Ах, эта уха до самой зари
Любого возводит на ночь в цари!
И третий наш друг говорит:— Не могу
Расстаться с красой на таком берегу...—
А Сухона вьет берега впопыхах,
Один — в соловьях, другой — в петухах.

4

Вон выплыла церковь, как чайка, бела,
А избы по взгорью — два легких крыла.
Но ей не взлететь: обвиненьем лежит,
Тем самым, кто путал, где бог, где мужик.
А ну-ка, пристанем. Ах, каменный ритм
Как много сегодня душе говорит!
Как дивен полет от избы до избы
Раскидистой, звонкой, веселой резьбы!

И друг наш, что более всех бородат,
Старинные вещи зовет собирать.
Да только старушки ох как умны:
Сперва узнают, кто такие мы.
Откуда плывем да родились где?..
Всех больше доверия бороде.
И слово за словом — красно, легко,
И тащат товарищу груду икон.
В затесях доски, черны, тяжелы,
Пронзительно лики глядят из мглы.
Откуда они? Каких мастеров?
Быть может, какой неизвестный Рублев?
— Ну что там девчонки,— твердит борода,—
Старушки на Сухоне — это да!
Дары — что находка, слова — что вязь.
Нет, я не попутчик, друзья, для вас...—
А Сухона вьется уже в небеса,
Как будто курганы, темнеют леса.

5

Еще поворот да еще поворот —
И город из белого камня встает.
В закате кресты изжигая дотла,
Торжественно блещут над ним купола,
А берег камнями веков замощен...
Прими, Устюг-батюшко, низкий поклон!
Выходим на берег. Ах, синь-глубина,
То былью, то небылью веет она!
Слышь: плещутся весла то там, то тут —
Не вновь ли торговые струги плывут?
Глянь: в плесе качается белый туман —
Не парус ли поднял Дежнев-атаман?
А сосны — быть может, не сосны в бору,
А просто чернение по серебру?..
Мы с кручи глядим. А под нами река
Летит, как истории русской строка.

АФРИКА

Брату Павлу

Расчерчена на графики
Голубизна высот.
Взлетает ИЛ из Африки
Пчелой из жарких сот.
И уплывает к северу,
Туда, где свысока
Предстанут белым клевером
Российские снега.
Скорее, ох, скорее же!
Ну, а пока внизу —
То горы, то побережья,
То нежная лазурь.
А то дорога гулкая
Туманом залита.
Но вот открылось Внуково —
Российские врата!
Ах, свежий воздух Родины!
Сияет человек —
С ресниц слеза уронена
На этот милый снег.
И хоть в Москве старательно
Застольем окружен,
В деревню, к старой матери
Рванулся все же он.
В глазах умылась родина,
А снег, и бел и яр,
Высвечивал смородинный
Тропический загар.
И мать навстречу — ахоньки!
Припала головой.

Приехал сын из Африки —
О господи! — живой.
О чем не передумала,
Когда печаль да грусть?
Земли названье трудное
Учила наизусть.
У ней самой-то смолоду
Вот здесь сошлись пути.
Из городов лишь Вологду
И видела, поди.
А дети!.. Будто стала им
Мала земля своя.
Теперь дороги дальние
Взлюбили сыновья.
«...Не плачь! Налей по махонькой
За встречу, за успех!
Смотри — какой из Африки
Кокосовый орех.
И сын раскрыл диковину
Привычно и легко,
В которую заковано
Густое молоко.
И мать взяла: ах, пахнет как!
Держала, как яйцо,
Дышала сладко Африка
Ей в русское лицо.
И, чуточку отпробовав,
Глядела с-под бровей
И отстранила, гордая:
«Нет, наше повкусней».
А сын сиял, рассказывал —
Ну точно как она —
Ему же сказки разные
Когда-то допоздна.
...В окошке дни истаяли —
Уехал сын опять.

Себя, как прежде, старую
Почувствовала мать.
Нальет лекарств из шкафика
И сразу — будто в тьму.
И снова снится Африка
В заснеженном дому.
За елками, за соснами
Все видится ясней
Большим — с Луну — кокосовым
Орехом средь морей.

Л. Буркову

Сойдешь на тихом полустанке,
Где ты ни разу не бывал,
Где лишь минутные стоянки
Да только будка — весь вокзал.

Сойдешь, достанешь папироску
И, от метели заслоня,
На миг в своих ладонях жестких
Укроешь бабочку огня.

Дымком затянешься глубоко,
Проводнику посмотришь вслед,
И станет как-то одиноко:
Здесь никого знакомых нет.

Но, нахлобучив шапку туже,
Пойдешь туда, где должен быть,
И станешь по пути от стужи
В дома погреться заходить.

И если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит как друг с тобой.

И самовар бронзовощекий
Хозяйка вынесет потом,
И чай с густым брусничным соком
Дымиться станет над столом.

И будет часто так. Когда же
Пройдет твоей поездки срок,
То кто-то «до свиданья» скажет,
А кто-то выйдет на порог.

Пожмет, прощаясь, руку жарко:
Мол, приезжай сюда опять.
И расставаться будет жалко,
И будет грустно уезжать.

Развернулись —

да вниз по Енисею!

Хватит плавать по кувшинковой воде!

Красноярск завьюжил красной каруселью

И пропал в дымах, как в лебеде.

Свежаком в лицо заохлодило

От разбега волн и облаков.

И несется теплоход, как льдина,

Меж палимых зноем берегов.

Годы и сомненья — будто в воду,

Хорошо, ой, хорошо!

На таком просторе не был сроду,

Не дышал сибирской черемшой.

А она — вдохни! — в нагорьях зреет.

Буйствует, пластается вповал.

Никогда таким внезапным зреньем

Я еще Россию не вбирал.

Стало мало родины мне малой:

Хоть мила, да все-таки мала.

Ширь земли, делимая Уралом, —

Словно два державные крыла!

И в руках зарадужили жарко

Сроду незнакомые цветы:

Марьин корень, а потом саранка,

Зноем и прохладой налиты.

И томяще из безбрежной дали

Сосны, сосны — сколь хватает взгляд —

По распадкам сизым выбегали

Золотистой теменью лосят.

С ветровыми далями встречаясь,
Я искал и в них родных начал.
И росла и ширилась причастность
Ко всему, что видел и встречал.
Говорил я Енисею: «Здравствуй!»
Родина — как этих скал литье!
И высоким делало пространство
Личное достоинство мое.

У АТАМАНОВЫХ СКАЛ

Саяны в легкой дымке брезжут,
То зелены, то голубы,
И выпирают на побережье,
Как азиатских ханов лбы.

Простор знобит и поражает.
Я представляю, как сюда
Гребли на веслах устюжане
В первоначальные года.

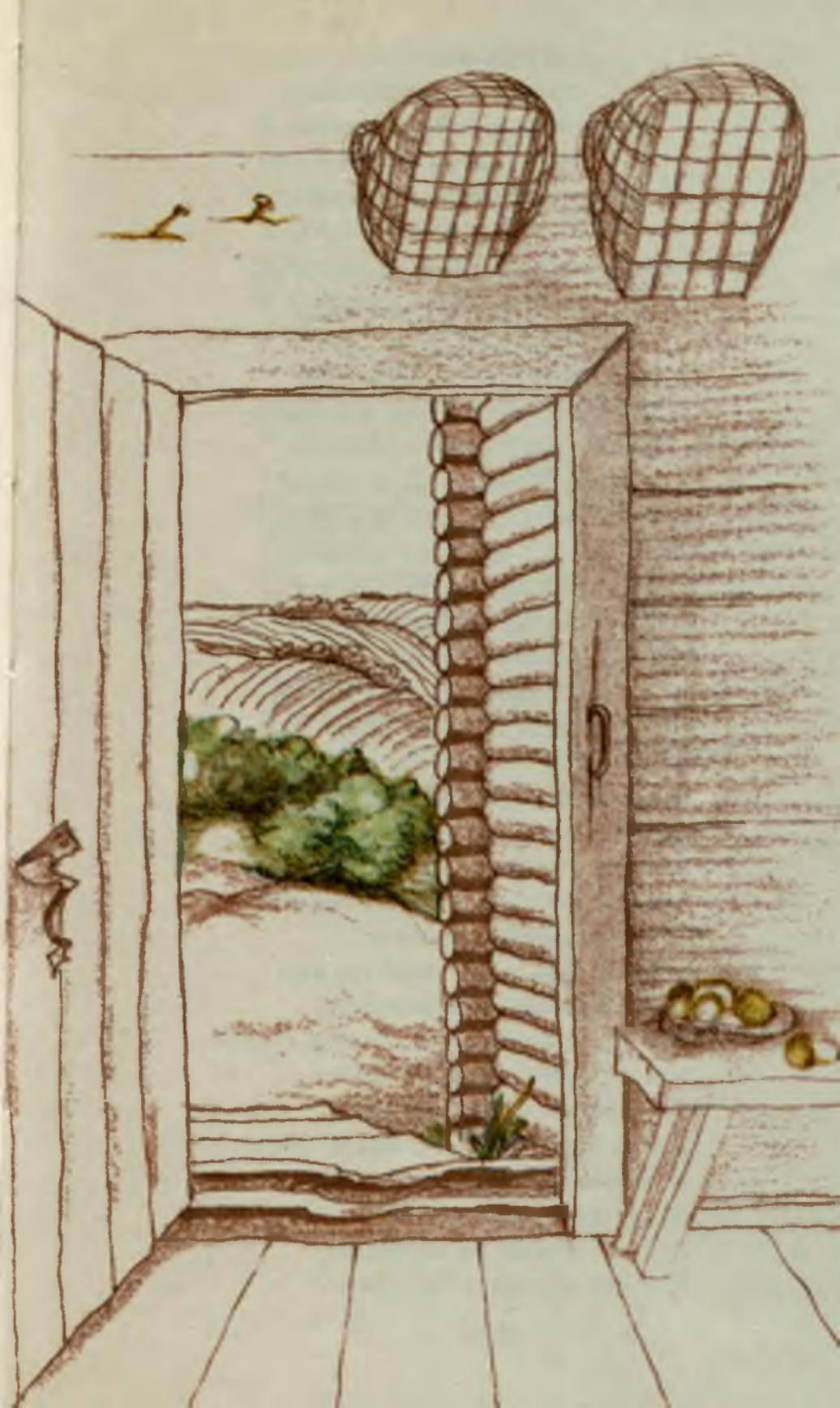
В глазах сверкало изумленье,
Кипели ветры в бородах,
И стрелы в диком оперенье
Свистели около рубях.

Но что стрела перед высоким
Мужицким словом и умом!
Уже шатрами плыли сопки
На перепутье кочевом.

С руками руки даль сближала.
Недаром с тех годов у нас
Пылают щеки темным жаром
И пляшет бес в прищуре глаз.

...Плывем, плывем... Смолою пахнет
И теплой хвоей кедрача.
Как предков красные рубахи,
В горах мелькает иван-чай.

А на откосах в травах рослых
То тут, то там за рядом ряд,
Как предков вскинутые весла,
Березы белые горят.

ЧТОБ СТАТЬ СОБОЮ

Из поднебесья красных гор тувинских,
Еще пока ничем не знаменит,
Как будто из ладоней материнских,
Он чистым колокольчиком звенит.
И может согнуть средь пустых расселин
Иль превратиться в жалкий водопой.
Но чтобы стать могучим Енисеем,
Но чтобы стать ему самим собой —
Из-под льда, из-под гранита надо
Срываться вновь на лед и на гранит,
Вбирать в себя дожди и звездопады,
И родники, что мать-земля таит.
В пути вскипать до белого каленья,
В затворы бить, от них не отступая,
Ворочать скалы и швырять каменья,
И на порогах разрывать себя.
И надо было из поры безвестной
Сверкать ружьем и лезвием ножа.
Тянуться стоном, разлетаться песней
Бродяг, переселенцев, каторжан.
И кровь смывать в лихую ночь и слезы,
Людские тайны хоронить навек,
Отогревать на дьявольском морозе
Протянутые руки малых рек.
И надо было научиться слушать
И понимать, что сказано в намек,
И на волнах в глухом селенье Шуша
Качать ночами долгий огонек.
Нести его, как золотую горстку,
И вширь, и вдаль до наших звонких лет.

И удивить однажды Дивногорском,
И сжечь себя, чтоб выплеснуться в свет.
И надо было в радужные краски
Раскрасить дебри, села, города,
И ослепить пришельца этой сказкой,
И заманить его навек сюда.
А самому лететь, гудеть прибором
И океан по-дружески толкнуть.
Немало надо, чтобы стать собою —
Сквозь всю Россию пропахать свой путь!

В ОВСЯНКЕ

Виктору Астафьеву

В Овсянке в доме тетки Нюры
Такие шаньги на столе,
Что не сдержать натуры-дуры —
Опять сидим навеселе.
Опять с утра кипит застолье,
Заборист квас, вкусна еда.
Ей-богу, в гости ехать стоит
За десять тысяч верст сюда.
Родни-то горсть. А ведь бывало —
Шумела яблоней она.
Но ствол родства давно повален,
А корни выбила война.
Уже не встретиться со всеми,
Но с тем, кто жив, — пришла пора.
В окне над синим Енисеем
Сверкает Черная гора.
И тетка Нюра, сладив с печкой,
Пригубит рюмочку и вот
«Ой, потеряла я колечко»
Светло и тихо запоеет.
И по лицу у тетки Густы
Вновь полыхнет минутный зной.
Вздохнет она и в голос грустный
Вплетет свой голос удалой.
И встрепенется тетка Проня:
Концом платка слезу смахнет,
В ладони голову уронит,
А песню выведет в полет.
И никуда уже не деться:
Что было — снова наяву.

В печальной песне сладко сердцу,
Как в приобщении к родству.
И в этот день, в слезах, в веселье,
Плывет минувшая пора...
В окне над синим Енисеем
Сверкает Черная гора.

ЛЕБЕДИ

Заболел я. Мать в тоске томится
И крошит в заварку зверобой.
Я лежу, а огненные птицы
Кружатся подолгу надо мной.
Что за птицы? Я глаза открою —
Никого. Лишь вижу потолок.
Задремлю, и снова надо мною
Взмах крыла, спокоен и широк.
Так спокосн, что меня возносит,
Так широк, что оторопь берет...
Снится мне на Васюгане осень
В недоступной зелени болот.
В зыбунах, оранжевых и бурых,
Протянувших в сотни верст узор,
В сосняках, что в мамонтовых шкурах,
В кружевном кручении озер.
На озерах, потайных и древних,
Лебеди и стаи лебедят
Скатывают воду с белых перьев
И великодушно серебрят.
А когда над ними небо срежет
Наш нетерпеливый вертолет,
Так взметнутся царственно и снежно,
Что от света сердце обомрет.
Засверкают блики на болоте,
Птицы пролетят — крыло в крыло.
И в просторном нашем вертолете
Будет удивительно светло...
Родина, какая ты большая!
Кто еще на свете так богат?

Небо над тобою украшая,
Горделиво лебеди летят.
В кипени и яблонь, и черемух
И в кипенье речек и морей
Отраженье с нами обрученных,
В сказку вознесенных лебедей.
В белых платьях школьниц тонконогих,
В строчке, сочиненной для добра,
В радости, заботе и тревоге
Отблеск лебединого пера...
Мать мне говорит: «Давай укрою.
Мало спал. Да разве эдак спят...»
Улыбаюсь ей: «А надо мною,
Посмотри-ко, лебеди летят». —
«Что ты,— говорит,— откуда взяться?
Вот какой ты странный человек,
По углам куржавины, что зайцы,
А в окне, взгляни-ко, валит снег».
Пожимает старая плечами.
У нее, смотрю, тревожный взгляд.
«Снег как снег»,— согласно отвечаю.
Засыпаю... Лебеди летят!

НА УГРЮМ-РЕКЕ

Тепло по-братски делим
И впрок не бережем.
Янтарным жиром стерлядь
Сочится под ножом.
За встречу в Туруханске!
Здесь, у речных глубин,
И в ночь не тухнут краски
Пронзительных рябин.
Светло как днем. И даже
Прозрачна высота.
И в ней, что глаз стерляжий,
Всего одна звезда.
А у построек старых,
Лохматясь от росы,
Лежат на тротуарах
Величественно псы,
И машут нам хвостами,
Сойдясь накоротке,
И шествуют за нами
Они к Угрюм-реке.
Так вот она какая —
Меж гор известняка
Слепит река, сверкая,
Бела и велика!
Скорей туда! И взрыта
Она лихой волной.
Моторка, словно бритва,
Летит над белизной,
И нас палит и студит
От дикой красоты.

За белыми уступы
То буры, то желты,
То красны... Сколько надо
И мощи, и затей,
Чтоб эти колоннады
Взметнуть в красе своей!
И — ни души-живинки.
Лишь чайки там да тут,
Как малые снежинки,
Над бездной промелькнут.
Глядим на скалы снизу,
Как будто втайне ждем
Красавицу Анфису
С приветливым платком.
Да средь камней огромных
Не крикнут ли из мглы
Веселый Прошка Громов
Да Ибрагим-оглы.
Но — нет. Одни березки
Цепляет снизу взгляд —
Как будто папироски
Геологов дымят.

КОМИ МУ

Визинга светла и древнекнижна,
Сыктывкар зеленосвеж и горд,
Золотиста песенная Ижма,
И высок рябиновый Разгорт.
Звонкость мест летела и не меркла,
Смысл чужой ручьистой речи креп:
«Му» — земля, а дом, строенье — «керка»,
Ну, а «нянь» — как точно! — это хлеб.
«Войрун» значит иван-чай, весельем
Закипал и буйствовал обочь
(«Рунь» — трава, а «вой» — и ночь, и север) —
Северная розовая ночь.
И слова звенели разнойковки,
В звон один сливаясь вдалеке.
Если речь о песнях, то на коми,
А про жизнь — на русском языке...
Синева текла за перелески
Над струею темных кедрочей.
Где-то здесь глаголил Стефан Пермский,
Устюжанин — первый книгочей.
Где-то здесь, у вольных перекатов,
Перекаты чуя в языке,
Первобытье строк Иван Куратов
Обжигал для крепости в тоске.
Все роднит. И даже вон березки,
Словно дома, смотрят с-под руки,
Трогательно, в точь по-вологодски
Подвязавши белые платки.

С ней хотя и коротко знакомы,
Откровенно, будто я земляк,
Говорила мне старуха коми,
Угощая, говорила так:
— Правду-матку только те не любят,
У кого по верху жизни взгляд.
Стулья-то высокие, а люди
Маленькие, поглядишь, сидят.
От таких ни радости, ни проку.
Про себя так думаю, сынок:
Никогда не будет тот высоким,
Кто в душе народной не высок...

ТРАКАЙСКИЕ ОЗЕРА

Когда устанешь от забот и слов,
Скажу, пусть невпопад, средь разговора:
«А далеко-далёко меж холмов
Зеленые тракайские озера...»
И замолчим. И вновь охватит нас
Теплом песка. Он янтарем расстелен.
И в глубине твоих славянских глаз
Литовский хмель мелькнет, лукав и зелен.
Он золотисто зрел по берегам
И обвивал кусты игрой узора,
А глубь небес распахивали нам
Прозрачные тракайские озера...
Что возраст, годы — лишь была б любовь!
И ты, другим ни в чем не уступая,
В расплеске волн казалась голубой,
А из воды ступала золотая.
Окатывали радостью меня
И близость губ, и мимолетность взора,
И сосен шум глухой, и ярость дня,
И гулкие тракайские озера...
Дубы темнели, в горизонт влиты.
Они в тиши до сердца доносили
Тревожные сказания Литвы
С глубокими сказаньями России.
И красный замок башни распростер
Подобием забытого дозора.
Он выходил из сумрачных озер,
А уходил в певучие озера.

И жизнь сверкала, пенилась вокруг
В разгоне яхт и в стуке кружек пива —
И в нашу речь литовской речи звук
Вплетался мягко и неторопливо...
Нет, никаких не надо больше слов,
Когда напому я средь разговора:
«А далеко-далёко меж холмов
Зеленые тракайские озера!»

Без отпуска всю жизнь и без простоя
Мы ищем, ищем и найти спешим
Под сложным и запутанным — простое,
Родное — под наносным и чужим.
Своей души не обмануть вовеки,
Как не унять тоску и боль ее,
И бдительного разума поверки
Лишь обостряют зренье и чутье.
Беседуем ли с кем, идем ли, едем —
И новое мы в существе своем
Всегда души движением последним
Иль отвергаем, или признаем.
И нет потемок — только светотени
Пронизывают наше существо.
И ненасытно это тяготенье
Искать с другими дружбу и родство.
Идем, идем... И вдруг в глазах — что высверк!
И мы пойдем по озаренью глаз,
Что мысль — опять! — слилась с подобной мыслью
И что душа душе отозвалась.

IV

Меня, себя заденешь ли —
Вся память в узелках:
Заботы, да безденежье,
Да дети на руках.
Упреки запоздалые,
Ревнивые твои,
Как в поле воды талые,
Кипят поверх любви.
Да, мало было помощи,
Да, было много дел...
А помнишь ли, а помнишь ли,
Как я к тебе летел?
По городу по Вологде
Трескучею зимой
Летел в полночном холоде
В рубашке раздувной.
В одной рубашке ситцевой,
Без шапки и пальто.
Не свистнула милиция,
Не задержал никто.
И вот у тихой звонницы,
Где вечность замерла,
Где между звезд покоятся
Седые купола,
Тебя увидел издали,
Как на краю земли.
В печали губы выстыли,
Глаза изнемогли.
И вспыхнул мир заснеженный!

Твой шепот я ловлю:
«Простудишься, ой, бешеный,
Ведь я тебя люблю».
И загудели медленно,
Как будто спала мгла,
Серебряные, медные
Во мне колокола.
И с поднебесной Вологды
Поплыл венчальный снег.
Мы счастливы, мы молоды,
Мы избраны навек!..

Ты нежданно и негаданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!»
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками
На молодом ветру.
Все привычное, усталое,
Мешавшее нам,
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко из-под горы
Мы влетели в город Кадников,
В зеленые шатры.
Ты смеялась очень молодо,
Споткнувшись второпях,
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.
В холодных росинках
Яблок любой,

С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там.
Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,
Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

О ТЕБЕ

1

То открою, то закрою
Книгу, взятую давно.
То в одно, а то в другое
Чуть не стучаюсь окно.
Не пылится ли проселок,
Не мелькнет ли на холме
Старый «газик» между елок,
Ковыляющий ко мне?
Жил я долго одиноко
По суровости мужской,
И нависли возле окон
Гнезда, свитые тоской.
Ну, а ты легко и просто,
Лишь приедешь, вскинешь

взгляд —

И в глухие эти гнезда
Звонко ласточки влетят.

2

Ложь на сердце не приму,
Не преувеличу —
Поклоняюсь твоему
Женскому величью.
Столько сил откуда брать,
И тепла, и света?
Ведь твоя краса и стать
В общей незаметна.
Сами светятся дела
От прикосновенья,

Ты сама собой мила
В тихий час волненья.
И во мне ты жжешь зарю
С возрастом не меньше.
И сквозь жизнь твою смотрю
Я на русских женщин.

И вот наконец окупались
Тревоги покоем души.
Шары золотые купальниц
Плывут
В деревенской тиши.

И я не могу надивиться,
Что даже в такой солнцепек
От свежих купальниц струится
Атласный сырой холодок.

И пахнет в безоблачный полдень
Дождем грозовым и еще...
Ну чем же, ну чем?
Ах, припомнил —
Прохладою девичьих щек!

А сердце мгновению радо:
Лишь запах,
Лишь звук или вид —
И сразу подскажет что надо,
Что было —
Опять оживит...

В зеленые годы иду я
И вижу чуть-чуть в стороне
Тебя,
До того молодую,
Что даже не верится мне.

Ты трогаешь косы смущенно,
И я от смущенья затих.
Пылают от близости щеки,
И свежестью веет от них.

И сердцу не надо иного,
Чем это касанье щеки,
Чем запах дождя грозового,
И луга,
И близкой реки...

До чего же я зависим
От житейской толкотни,
От твоих суровых писем,
От бесчисленной родни.
От застолий, от собраний
От пустых, ненужных встреч.
Я не в молодости ранней —
Время надобно беречь.
...Вот живу я как хотелось.
Будто в поле жаркой ржи,
Золотую жизни спелость
Наконец в снопы вяжи.
Никакой тебе помехи —
Делай так, как думал жить.
Никуда не надо ехать,
Суетиться и спешить.
От себя лишь я зависим...
Но гнетет тоска опять:
Почему не пишут писем,
Разве долго написать?
Почему никто знакомый
Не заглянет на ночлег,
Почему так тихо в доме?..
Станный, право, человек.

ТРИ ЛЕТА

Со мной ли это было? Да, со мной.
Пылало лето широко и жарко
И колесом ромашки золотой
Катилось мимо окон по лужайкам.
Мы шли в леса. А в них, как желтый зной,
Тянулась к нам сомлевшая морошка.
А над морошкой тенью грозовой
Плыла черника на зеленых ножках.
Ватажные, не знали мы забот,
Драчливые, не ведали мы тягот.
И это лето в памяти встает
Большой корзиной самых спелых ягод...

Со мной ли это было? Да, со мной.
Стихает город, будничен и жарок,
И я иду в рубашке голубой,
По-деревенски сшитой для гулянок.
А я лечу в студенческий приют —
В барачный дом, оцепленный мостками,
В котором однокурсницы живут,
И к ним лишь комендантша пропускает.
В дежурке за любовь я постою,
И злую комендантшу одолею,
И солнечную девушку свою
Вновь уведу в кленовую аллею.
Веселые, мы выйдем из ворот,
Счастливые, куда, не знаем сами.
И это лето в памяти встает
Ее большими серыми глазами...

Со мной ли это было? Да, со мной.

Гремело лето и сверкало грозно,
И на могучей на волне ржаной,
Как лилии, качало ночью звезды.
Нам наконец-то было все дано:
И радуга в свеченье мокрых красок,
И сети, уплывавшие на дно,
И сладкий дым, тянувшийся от пасек.
Солидные, мы грелись про запас,
Серьезные, пеклись в траве нагретой,
И этим летом с грустью в первый раз
Мы вспоминали прежние два лета.

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!»—
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно:
Улочка, снега, рассвет морозный
И твое кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим,
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем, дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей,
А может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота.
Как будто и дела мало,
Что ею любуется кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.
С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла, и долгие взгляды
Она за собой уводила,

Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...
Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что нам про своих красивых
Ты так хорошо напомнила.

КУСТ ИВАН-ЧАЯ

Он отраженьем с берега возник.
Река текла, на облаке качая,
Как будто рыбий розовый плавник,
Куст иван-чая.

Нам приглянулось место. Мы легко
Втащили лодку на мысок песчаный,
И встретил нас веселым костерком
Куст иван-чая.

Палатка зеленела. Дым синел,
За лугом птица странная кричала.
И нам тянул пучок лиловых стрел
Куст иван-чая.

Я лесом, рыбой и травой пропах,
С тобою был как прежде, как вначале,
И трепетал жар-птицею в кустах
Куст иван-чая.

Мы уходили к вянувшим стогам,
И весело за нашими плечами
Узоры вышивал по облакам
Куст иван-чая.

Когда же день за ельниками тух,
Взлетал, туманы белые встречая,
Как будто красный молодой петух,
Куст иван-чая.

«ПОЮ-У»

Солнце, будто жаркий жернов,
Размолотило облака,
И развеялась просторно
Золотистая мука.
На леса, низины, взгорья,
На кувшинки вдоль реки.
Вот и скошены под корень
Наши летние деньки.
Ты узлы надежно вяжешь,
Будто будущую жизнь,
И тревоги не покажешь,
Лишь глаза опустишь вниз.
Загорела, посвежела,
Похудела, подросла.
Белоцветье чистотела
Посрывала у весла.
Ну, пора... Вон, видишь, едут
С дальних стойбищ косари,
По желтеющему следу
Зелень сена рассорив.
Грузовик слегка заносит
В непроезжие места,
Но жужжат под ним колеса
Как четыре паута.
И частушки-завитушки,
Скоморошины летят
На еловые верхушки
Стаей крепких соловьят.
«Девки, пойте, девки, пойте,
Я старуха да пою-у!...»

Окончанье стихло в пойме,
Там, у леса на краю.
В молодой поре и силе
И в порыве озорном
Прокатили, окатили
Сердце радостным теплом.
И колеблется в затоне,
И светлит в камнях струю
Это дерзкое, родное
И бессмертное — «пою-у!».

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она,
Загляделось полсела —
Диво!
«Не спою как соловей,
Спою как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст.
В каждой песне — сердца тайны,
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог.
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?

Что красноводье поздняя брусника.
Я в ней корзину грузную топлю.
Грущу от улетающего клика
И сам брожу подобно журавлю.
И мне пора, хоть здесь озера ягод,
Бордовых, прокаленных на росе.
Но все равно их не набрать мне на год,
Пускай же остаются на рассев.
Мне хочется к тебе — в твои печали
И радости — как птицам в синеву.
Любовью это называл вначале,
Теперь любовью трижды назову.
Быть может, поздно прояснилось сердце,
Но в нем одно желание добра.
Вот и бруснике, чтоб красно зардеться,
Необходима поздняя пора.
Зато теперь и сладость в ней, и сила,
И княжеский на мху зеленом вид.
И та роса, что руки мне студила,
Твое лицо бруснично озарит.
Мы не пойдем при встрече за гостями,
А целый вечер просидим одни.
Ты будешь черпать ягоды горстями,
И потекут меж пальцами они.
И каждая-то ягода прошепчет,
И промелькнет в глазах твоих игра,
И подтвердят раскутанные плечи,
Что лучше прежних поздняя пора.

В ГРОЗУ

Полыхнуло яростным и белым,
Прочь откинув темень. И тогда
Обожгла глаза оцепенело
На низинах за пять верст вода.
Снова мрак. Но в эту же минуту
Обвалилась будто бы гора.
Кто-то поле с крышей перепутал,
Прокатил по крыше трактора.
Припадай к земле, душа живая!
Затрещало небо, не щадя,
Потолок и стены прошибая
Огненными клиньями дождя.
Что тут делать? Верь в Илью-пророка
Или в электрический разряд,
Но душа от огненного ока
Мечется, как тыщу лет назад.
И со страхом женщина прижалась
К мужу, уж не видя ничего,
В беззащитной слабости призналась
Перед вечным мужеством его.

ЖЕНЩИНА

Женщина, уже не молодая,
В колыханье света и тепла
К солнышку внучонка поднимая,
Чувствует, что в осень забрела.
И она же, сыновей встречая,
Полная об их судьбе забот,
Если вспомнит годы, то случайно —
Будто бы под радуги идет.
И она же, оставаясь с мужем
(Господи, какой он стал смешной:
Седоватый, лысый, неуклюжий!),
Снова веет на него весной.
Той, когда черемуховый холод
Закружил их, запуржил навек...
Годы, годы — жизни переходы —
То цветы, то ягоды, то снег.

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, — тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.
Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.
Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.
И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет.
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого покуда нет...

РЯБИНЫ

За окошком рябины,
А в просветах рябин
Рожь крылом голубиным
Машет с ближних равнин.
На листьях, что в ладонях,
Тяжелеет роса,
Словно ягод зеленых
Молодая краса.
Только ягодам рано —
Подожди, подожди:
Скоро прошвой багряной
Небо вышьют дожди.
С облаков серебристых
Легкой палкой опять
Будет женщина кисти
Огневые срывать.
Будто сгрудит в охапку
Догоревший закат,
Кисти пламенем зябким
Возле щек заблестят.
Самых крупных и самых
Спелых ягод возьмет
И за зимние рамы
Их насыплет вразлет...
Засвирепствуют вьюги,
Но рябина опять,
Словно жаркие угли,
Будет в окнах мерцать.
Снега белые горы
Наметет там и тут,

Окна в красных узорах
Над снегами всплывут.
И среди этих окон
Будет вновь без конца
Возникать одиноко
Очертанье лица.

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!

И вот в сиянье жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам.

Их веником сметает,
Чтоб ноги не обжечь.
И шаньги на сметане
Начинает печь.

На окнах иней розовый:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И встали у ворот.

И вот уж двери настезь,
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.

А от порога катится
По половицам пар
К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.

И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть.
Кофтенку сразу — где уж там!—
Успеешь ли надеть.

— Да что ж ты, Настя, прячешься?
Ведь я к тебе — навек!..—
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

Майский лес галдит, кукует,
Крячет, цвинькает, свистит,
Заливается, воркует,
И трепещет, и звенит.
Птицы возятся попарно,
Зелень видится насквозь.
Клены бродят, словно парни,
Меж застенчивых берез.
Ну, а верба пахнет ульем,
И с налету — ох, смела!—
Обжигает поцелуем
Захмелевшая пчела.

ДЕВЧОНКИ

Насмешливые челки
Да яблоки щек.
Фабричные девчонки —
Как жаркий ветерок.
Не нам сказали: «Здравствуйте»,
Кивнули не нам —
Прошли, походкой хвастая,
К своим парням.
А мы на стыке улиц —
На стыке разных лет —
Им просто улыбнулись
И посмотрели вслед
Не то чтоб удрученно,
Но (все же — но)...
И вспомнили девчонок,
Встреченных давно.
Их выбрали мы сами,
Не спросясь родни.
С огромными глазами
Были они.
Чтоб мамы не видели —
Сбегали от мам,
Чтоб люди не выдали —
Шли на обман.
К нам падали на руки —
Ох, тонки!
Казались жаркими
Нам пиджаки...
А годы катятся
Под сердце нам.

Мелькают платица
Уж где-то там,
Как будто за горами,
На первом рубеже.
Уже повыгорали,
Повыцвели уже.
Тем боле облегченно,
Бывает, вздохнем,
Когда мы тех девчонок
В женах узнаем.
Они теперь уж матери,
Хозяйки они.
Но иногда внимательно,
Нежданно взгляни —
Вот праздник. Увлеченно
Танцуют и поют.
Те самые девчонки,
Девчонки тут!
Чуть что — и огорченно
Вспыхнут, вскипят.
Глядишь — опять девчонки,
Девчонки опять!
И хорошо, признаться,
С такими быть.
Чтоб молодым остаться,
Надо любить.

...Насмешливые челки,
Походочка горда.
Будьте вы, девчонки,
Девчонками всегда!

До праздника задолго
Одна за одной
Хозяйки мыли окна
Солнечной водой.
И руки их сверкали
На переплетах рам,
И с высоты лукаво
Помахивали нам.
Веселыми глазами
Глядели широко,
И радуги бросали
Из ведер на окно.
Подтеки, пятна пыли
Голубизной сплеснув,
Они не окна мыли,
А славили весну.
На женщин мы смотрели,
Сильных, молодых,
И веяло апрелем
Именно от них.
До праздника, до срока —
И это неспроста —
На сердце, как на окнах,
Творилась чистота.
Всю мелочность, усталость
Хотели сплеснуть,
Чтоб в сердце прояснялась
Солнечная суть.
Не узнано покуда
И спрятано от глаз,

Но зрело, зрело чудо
Везде, во всем и в нас.
И вот почти незримо,
Но радость суля,
Бледно-зеленым дымом
Окутана земля.
И в самом дальнем складе
Вздохнуло зерно,
Но слышно — будто рядом
Лежит оно.
Ну, а заря бескрайно
Плывет вдали.
Чистая такая —
Хоть флаги крои.
Все полнится светом
И тянется вперед.
И по зеленой ветке
В сердцах растет.

Есть красота всевластная
Девичьих чистых лет.
Приходит, будто хвастает,
Что лучшей в мире нет.

В ней все как в утро раннее,
Когда горит восток:
Игра и обещание,
Открытость и намек.

Она мудра в наивности,
В суждениях проста.
Не верит, что поблизости
Иная красота.

Пора спокойных полдней,
Высоких облаков,
Свечением наполненных
И злаков, и плодов.

Пора морщинки первой,
Так памятной для нас,
Вокруг в себе уверенных
И чуть усталых глаз.

Однажды рассмеялись
Глаза, и в этот миг
Не стертою осталась
Морщинка возле них.

А может быть, иначе —
Обрушилась беда
И след свой обозначила
Морщинкой навсегда.

Пора солнцестояния,
В которой все черты
Иного обаяния,
Особой красоты.

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

...Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласье с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.

Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

ЗНАКИ

Меня сердитый дождь загнал,
Когда я к речке вышел,
В полузабытый сеновал
С растрепанною крышей.
Теперь не кроют крыш у нас
Соломой желтой, спелой,
И эта, чудом сохраняясь,
Как решето висела.
И лишь по ней наискосок
Дождинки полоснули
И забугрились возле ног,
Как разрывные пули,
Уже не скрыться было мне,
И я присел устало.
И тут увидел на стене
Ряды инициалов.
Пестрели буквы так и сяк
На бревнах поседелых,
И всюду плюс — крылатый знак
Тех чьих-то чувств несмелых.
Врезали буквы неспроста:
Знать, верили наивно,
Что их единственная, та,
Свое узнает имя.
И был счастливым — кто врезал:
Звенела ель сухая,
Всплывали девичьи глаза,
Шаги, ее дыханье.
Шумел, наверно, сенокос
В те полдни голубые.

Девчушки задирали нос,
Которых так любили...
Я эти стены как дневник
Разглядывал сначала.
А сопоставил, в знаки вник —
Мои односельчане!
Ну да — врезали каждый знак
Знакомые ребята.
И вижу — в жизни всё не так,
Все на других женаты.
А здесь лишь только след игры,
Давнишней и особой,
Когда хотелось им открыть
Смысл потайного зова,
Когда им стало в первый раз
Томительно и грустно —
И принимали, торопясь,
Предчувствие за чувство.
Во всем привыкшие спешить,
Все обозначить словом,
Движение первое души
Любовью звать готовы.
Боясь, что кто-нибудь не так
Подумает, как надо,
Они врезали каждый знак,
Открытый многим взглядам.
И знакам тем потерян счет
На бревнах поседелых.
Их точит жук, их дождь сечет,
И никому нет дела.
Чего, казалось бы, жалеть,
Да лишь чего-то жалко...
Смотрю, как дождь, отяжелев,
Идет, бредет вразвалку.

ЗА САМОВАРОМ

Добро сидеть за самоваром
И пить из блюда не спеша,
Поет, горит, исходит жаром
Его славянская душа.
И сердцу вроде бы полегче.
Оно болит уже давно,
И разрядить его лишь речью,
Лишь откровенностью дано.
И не удержится хозяйка:
Как на духу, в один присест
Пришедшей гостье без утайки
Откроет все, что в сердце есть.
И та припомнит горький опыт,
И хоть сидят они вдвоем,
Вдруг перейдет на полусшепот
И тоже, тоже о своем.
Вздыхнут, друг друга утешая,
И слезы вытрут не тая.
Свою заслони́т боль чужая,
Чужую боль смягчит своя.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Всю-то ночь то сильнее, то тише
Под неровным и теплым дождем
Снова пела тесовая крыша,
Как певала и в детстве моем.
Я дремал или спал — сам не знаю.
Только капли в пространстве ночном
Разлетались по зыбкому краю
Забытья между явью и сном.
Сладко пахло шуршащее сено,
Притворившись зеленой травой,
И дышал мой сынишка блаженно,
Прислонившись ко мне головой.
И я чувствовал: сны ему снятся
И он видел себя наконец
Не мальчишкой с проклятым румянцем,
А мужчиной, большим, как отец.
Ну, а мне на родимой повети
Все казалось, что сам я еще
Не усталый, сорокалетний,
А мальчишка с румянцами щек,
До чего же легко обмануться,
Если сказки захочет душа!
Вместо струй уже ткуются и выются
Золотые волокна, шурша.
И тогда в глубине, в отдаленье,
Непонятный прорезался звук,
Размыкая во мне все сильнее
Сна и яви замкнувшийся круг.
Я очнулся. Прислушался: что же?

Гром не гром, но все ближе растет,
И колеблется крыша от дрожи.
Догадался: ночной самолет.
Промахнул над разбуженным домом,
Над старинным покоем лесным,
И бурлил, словно омут огромный,
Звук державный, летевший за ним.
Быль и сказка сменились местами,
И заснуть я уж больше не мог.
Ну, а сказку сынишке оставил:
Мне она и не в срок, и не впрок.

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Визжали на поворотах.
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озаренный светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это,
А не старая елка.
Ему человек в охапке
Наваливал веток к ночи,
Где много влажных и сладких,
Пахнувших лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,
Он крылья раскинул натужно,
Почуяв снова здоровье.

И красными полукружьями
Затрепетали надбровья.
И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня Терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет, и ельник,
И отклик, ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятый.
И все, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

Мы только вместе посидели
Возле вагонного окна
Да на торжественные ели
Полюбовались дотемна.

Мы только вместе спели песню
В кругу попутчиков-друзей
Да поиграли в карты вместе,
Чтоб ехать было веселей.

Мы только вместе на вокзале
Каких-то несколько минут
Машин попутных поискали
И насовсем расстались тут.

И все как будто бы... Так что же
Меня который день подряд
Тоска неясная тревожит
И мучит тот последний взгляд.

И тот платок, и вздох глубокий.
Пойми, узнай — о чем, о ком?
Не обо мне ли ненароком,
А может быть, и о другом...

Вот так бывает — ветер вешний
Качнет над речкою ивняк,
И после долго он трепещет,
Не успокоится никак.

Ты что-то мне напомнила, рябина,
Лишь теплый ветер дунет — ты опять,
Живучести полна неистребимой,
Готова белым цветом полахать...
Когда ж июль течет на ветки жаром
И хмель бушует, молод и курчав,
Твои пылают ягоды недаром,
Но зря пылают: чуточку горчат.
И лишь когда ударит иней поздний,
Ты станешь вновь единственно любя.
Тогда твои тоскующие гроздья
Чем холодней, тем слаще на губах.

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так?
Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте, — не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихою досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.
Она как будто где-то рядом —
С цветами, музыкой, вином.
И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья.
И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем.

...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.
И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба —
На недоступном берегу.

В молчанье я стою один,
Где проходила ты когда-то.
Лишь кисти грузные рябин
Теперь висят краснозакатно.

О чем молчишь — то и твое,
А только выскажешь — чужое.
И как туманы над жнивьем,
Плывет затишье над душою.

Лишь этой истиной жива,
Душа всегда того страшится,
Что сразу выстудят слова
Все то, что пламенем таятся.

ХУДОЖНИКИ

(Поэма)

I

Омут — вверху,
Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут.
Берег что кромка.
Вверх и вниз
Ельники запрокинулись.
Весло задевает
Пики вершин,
Игру затевает,
Лес ворошит.
Гости не просто
Едут в гости,
Не просто вдосталь
Размять кости —
Ищут Русь,
Русь настоящую,
Скрытую где-то
За синими чашами.
В Москве говорят:
Север богат,
Что ни наряд —
Радует взгляд.
Юбки, оборки —
Боже мой! —
Так и веет стариной.
В лете собольем
Камень веков —
Это соборы
До облаков.

В избах посконных,
В темных углах
Глеют иконы —
Ах!..
Омут — вверху,
Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут...

II

Спрашивали Марью соседки востроглазые:
— Те, что ночевали, с какой они оказией?
Наши полномоченные — так пошто же в лодках?
Да и покруглее наши в подбородках...—
Отвечала Марья: — Из Москвы, сказали.
Как взглянула, бабы, — хлопнула глазами:
Право, век не бриты — черные волосья,
Наши старики и то таких не носят...
Засмеялась Любка — ни жена, ни девка,
Самая отчаянная в разных переделках:
— А по мне с бородкой мужичок любяе...—
Бабы замахали: — Перестань, Любава!
— Ну так вот: сказали — из Москвы, а сами
Живописцы! — Марья вскинула глазами.
Молча и с почтеньем бабы покивали,
Любкина улыбка обежала дали:
— Ну, тебя посадят и нарисуют, Марья.
Только ни к чему: ты, Марья, — старая.
Вот бы меня! — И Любка,

грудь выпятив упруго,
Прошлась перед соседками по лужайке кругом.—
Вот бы меня такую — была б у них картина!
И я бы на картине в столицу покатила.
В Москве я не бывала, так хоть с картины,

что ли,

Взглянуть бы на Москву...

— Да ты того не стоишь! —

И Любка ошарашенно

Вдруг погасла.

— Не стою, по-вашему?

Это напрасно!

Я вся измолотилась —

В поле, на дворе ли.

В жены не сгодилась,

Так сгодилась в деле!

А что гуляю — нате:

Раз живу на свете.

Я не виновата,

Что судьбы нету!

— Да что же ты?

Скорешенько

Разгорячилась — ишь!

Плесни водой из ковшика,

Так, право, зашипишь...

III

Забрякала заслонкой

Марья, чуть жива,

И рыжего цыпленка

Пустила под дрова.

И он в одно мгновенье

Вырос в петуха

И стал клевать поленья,

Шуметь и трепыхать.

И вот уж в печке жаркой

Он не один, а пять,

И ни который в драке

Не хочет уступить.

И Марье вроде легче
Стало в груди —
Расправила плечи,
Пошла гостей будить.
Ах, чистая горница,
Прохладные полы!
Босиком хочется
По таким проплыть.
Кровати из березы,
Как баржи, грузны,
Которые увозят
В любовь и сны.
А одеяла жаркие
Работ ручных
Цветастыми лужайками
Лежат на них...
— Ребята, эй, вставайте,
День-деньской!—
Дрогнули кровати
В горнице глухой.
И выходят бороды
С прытью молодой.
Тишина распорота
Смехом и водой.
Брызжут и хохочут,
Плещут в три ручья,
Лишь не смытой ночью
Бороды торчат.
К самовару сели.
У него уже
Булькает веселье
В медной душе.
— Брось-ка сковородки,
Марья,— и за стол.
Вот у нас селедка,
Хороший засол.

— Сейчас, сейчас, ребятки,
Картошка кипит.
Со своей грядки —
Добра на вид:
Рассыпчата, развариста,
Ешьте с селедкой, пожалуйста...—
И Марья тащит,
Прижав, чугунок.
Пар летящий
Ее обволок.
Присела с краю
За шумный стол
И разливает
Чай густой.
В платочке ситцевом,
В кофте ситцевой,
Сшитой как и в Москве, например,
Лишь бы подольше стала носиться,
Была б не маркой — вот и весь манер.
Ни кружев, ни вышивок — проще простого...
Тревожно художники щурят взгляд —
Быть может, и ехать сюда не стоило,
Чего же зря в Москве говорят?
Но чай дымится,
А за чаем
Светлеют лица
Даже печальные.
И посидеть
За ним доведется,
Сам по себе
Разговор заведется...
Скажи-ка, Марья, людям приедем,
Где же наряды прежние, где же?
Где же они, которые радовали:
Юбки, опоясанные радугами,
Сарафанов праздничных размах,

Кружевная невидаль кокошников,
Розовая выдумка рубах?
Марья смотрит странно и печально
И в ответ лишь головой качает:
Молодость всем грустно вспоминать.
И, забыв, что чайник полон чая,
Доливает кипятком опять.
Спохватившись, охает и молча
Замирает, опустив глаза.
Видимо, припомнить что-то хочет
Из того, чего забыть нельзя.
Все взметнулось, что давно осело,
Отсняло в глубине души,
И поплыло пестрой каруселью,
Скрытую тоску разворошив.
Всполохами память озаряло
То одно, затем иное вдруг.
Почему-то всплыли сеновалы,
Как часовни, у родных излук,
А за ними — дымка заревая
И травища, как зеленый брод,
И она, Машутка, в сарафане
Яблонево, розово идет.
Пели косы — и трава пласталась,
И струился яблоневый стан.
Позабыв про завтрак и усталость,
Шел за нею и косил Степан.
Холостой — еще не муж, не слесарь,
Не солдат последней мировой.
И тянулись два прокоса к лесу,
В елки, на полянку, с глаз долой...
Вдруг картины эти покачнулись,
И уже иное перед ней:
Многолюдство деревенских улиц,
Бражный праздник после трудных дней.
И она идет, жена Степана.

Молодушка — слышится молва.
А по кофте белыми цветами
Брошены воздушно кружева.
Нравилась Степану эта кофта.
Он с войны писал, из-под огня:
«Все меняй на хлеб, жалеть чего там,
Лишь не трогай кофту до меня...»
Марья, Марья! Это что с тобою?..
Стол поплыл, и самовар поплыл,
И окно поплýло голубое
В сумерки, в полыннýй чернобыл.
Наклонилась, побледнела Марья:
Подождите, все пройдет сейчас...
Вот и стол на месте замирает,
И окно встает напротив глаз.
— Ох, ребята! Вы о чем спросили?
Про одежду, что ли?— И она
Улыбнулась грустно, через силу:—
Вам-то, не пойму, к чему она?
Прежней нету, я скажу по правде.
Нáжить всю спустили за войну.
Что осталось: то в музей отправили,
Чтобы помянули старину...—
Загрустили гости: эх, как надо
Для эскизов, то есть для картин,
Ну хотя б один
Из старинных северных нарядов.
Иль уборы — как назвать?— кисейные,
Или — как там!— разные платки...
Марья смотрит: нет, не чужеземные,
Ну, а до чего же далеки!
Поднялась, решила, чай оставила:
Мол, поищем...

И в селе тотчас
Суматоха началась —
Слух прошел: скупают вещи старые!

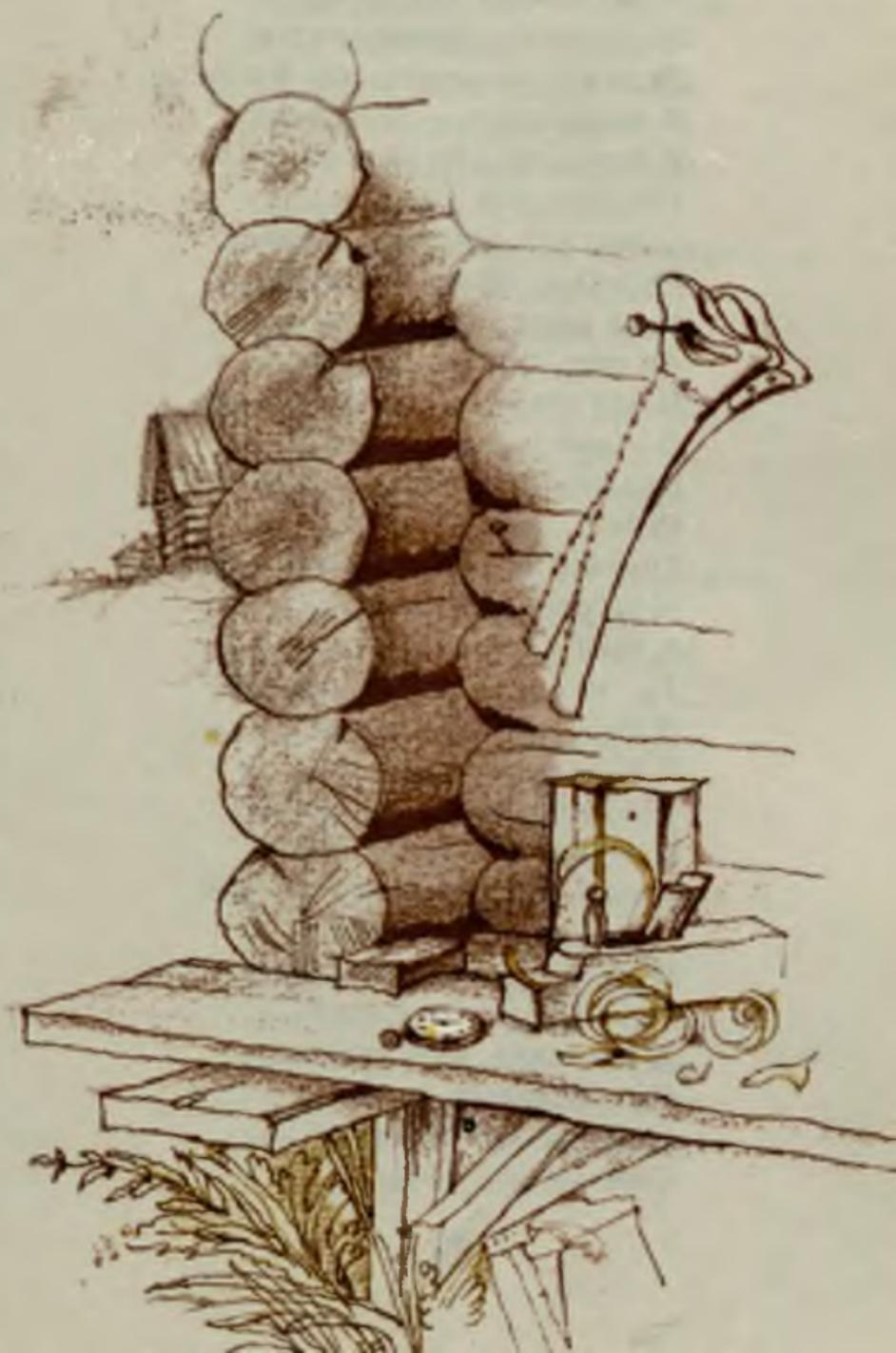
Все тащите, что на чердаках,
В закутках и прежних сундуках!
И пошло! Сперва бегут мальчишки —
Те привыкли собирать-сдавать,—
Ташат к Марье ржавую кровать,
Без обложек, трепанные книжки,
Ведро, шкворни, даже чей-то бюст,
Валят все — лишь звон, и треск, и хруст...
И глядят назад не без причины —
Ковыляют бабки — вновь скандал:
У кого-то Библию стащили,
У кого-то чугунок пропал...
Гости говорят: не то, ребята,
Уносите это все обратно —
И на Марью вдумчиво глядят,
И к ее ногам роняют взгляд.

IV

Прошлись по деревне —
Рисовать хочется.
Вот наконец деревне -
Русское зодчество.
Избы просторны,
А под крышами
Разно узоры
По дереву вышиты.
Будто б на нитки
Сушка нанизана,
Сушкой обвита
Стена до карниза.
Там—погляди-ка!—
Затейливо вяжутся
И повиликой
Веселой кажутся.

Всюду черт знает
На чем и лепится
Эта резная
Чудо-нелепица!
Крыльца крылаты.
Дверь распахнется —
Не крыльца — палаты,
Полные солнца.
Смотришь — и верится:
Вот-вот сейчас
Красная девица
Выйдет встречать.
Молвит распевно,
Улыбчиво, просто,
Мол, заходите,
Добрые гости.
И, застеснявшись
Своей красоты,
Чуть приподымет
Кончик фаты...
Ждешь беспокойно
И смотришь на двери —
Ведь вот какое
Крыльца навеют!..
Скорее мольберты
Поодаль ставь,
Чтобы это
Пело с холста.
Скинув куртки,
Садятся ребята,
Гаснут окурки
В траве примятой.
Но — странное дело —
Досадная малость:
э т о не пело —
Лишь красовалось.

Лишь по холстам
Разлетались линии,
Как вырастали
Курганы синие.
А на курганах
Старое зодчество
Дивно сверкало
И кособочилось...
Как же случилось —
Скажи на милость —
Умение дедов
Не пригодилось?
Наверно, ответят:
Это — пустое.
Наше столетье
Умеет строить.
И дедам — где там —
Многоэтажье.
Такое дедам
Не снилось даже...
Да, приезжает
К нам заграница,
Чтоб поучиться
И подивиться.
И смотрит, чтоб дома
Об этом рассказывать,
Как дыбятся домны
Стальными Кавказами.
Но кряду глядит,
Обалдев совершенно,
Как солнцем завит
Василий Блаженный.
И купольной гроздью
Врублен до звезд
Не знавший про гвозди
Кижский погост.

Как складывал гений
В Поморье седом
Былины селений
Простым топором...
...Ребята рисуют,
А к ним по травам,
Собой красуясь,
Идет Любава.
Она за пригорком
В мареве синем
Траву на подкормку
Коровам косила.
Еще не остыла
От жаркого дела,
И в прядях густых
Травинка висела.
И парни, конечно,
Кисти — в сторону:
Откуда? Здешняя?
Вот здорово!
Играя глазами,
Дразнит ребят:
Мол, я — за вами,
Траву загребать.
Летит улыбка
К ним на холсты,
Подходит Любка,
Глядит, застыв.
Да это же чудо:
Дома знакомые,
Как нарисованы! Чуть
Не диковины.
Словно впервые
Видит она
Крыльца, перила,
Сказку окна.

Вдруг удар громоподобной пушки —
Дрогнул синий и зеленый свет.
Ах, опять в березовые стружки
Завихрился реактивный след.
Он плывет над хвойным захолустьем
И над Любкой в стихнувшей траве,
Над холстами, тронутыми грустью,
Близь и даль связуя в синеве.
И следят из-под руки ребята,
Засмотревшись молча в окоем...
Где же Русь, чтоб глянул — и понятно:
Вот она в обличии своем!
Может быть, как лебедь Васнецова,
Улетела в дали — не поймать —
И сегодня проплывает снова,
Вон летит — уже стальная стать?!
Так зачем художники, поэты,
Сотни верст в пути исколесив,
В северные дали рвутся летом,
Как Колумбы, в поисках Руси?
И, найдя заброшенную прялку
Иль икону, или тканый плат,
Иль резьбу — восторженно глядят:
Это все и дорого, и жалко.
А в огнях торжественных московских,
И в парижских, и в иных огнях
Плещут сцены и кипят подмости
В вихре сарафанов и рубах...
Ну, так где же Русь?.. Молчат ребята,
Засмотревшись в синий окоем,
Будто перед кем-то виноваты,
Думают о чем-то о своем.
И всплывают, словно издалёка,
Тетки Марьи скорбные глаза,

Руки на коленях, как упреки,
А потом тумана полоса.
Из тумана выросли знакомо,
Будто бы крутые берега,
Серебристой чернью дом за домом —
Песней, не подхваченной пока.
И березы, как стога большие,
И за речкой косарей костры...
Все звенело, бушевало, жило
И плескалось прямо на холсты.
Это все: и руки на коленях,
Жилистые, в узловатых венах,
И глаза, то весело, то грустно
Глянувшие вдаль, и те пути,
По которым нам к добру идти —
Все вzywало в этот миг к искусству:
На меня вниманье обрати!

VI

Сказали ребята: мы тебя нарисуем!
И вот три мольберта поставлены в ряд,
И Любка сидит на копне, как на стуле,
Попав под тройной и разборчивый взгляд.
Она смущена, хоть совсем не привыкла
смущаться,
Одеться бы, что ли, в хорошее платье, а то
В каком-то застиранном, стареньком платьице,
И этот на ней, как на грех, невеселый платок.
Ведь будет потом ей неловко в столице,
Подумают сразу: «Деревня» — и губы скривят.
А Любка такая — никак уступать не годится!
И брови взлетают, и светится вызовом взгляд.
И вот проступают, сначала игривым намеком,
На белых холстах очертания Любкиных глаз,

И просит ребят заменить на холстах,
если можно,
Ведь есть и в деревне наряды куда поновей.
Не нравится Любке ни в чем уступать
горожанкам,
Ни в малости малой! Бывает обидно до слез,
Когда сарафаны и кофты окинет с улыбкою
жалкой
В толпе привокзальной какой-нибудь молокосос.
Она понимает — на тупость досадовать нечего,
Но все же в душе остается крапивный настой,
И сердце тоскует, и хочется сердцу девичью
Омыться скорее хорошей, большой красотой.
Ему и не надо иного — живет красотой
и правдой...
— Ну что ж,— говорят художники,— это
понятно нам,
И если ты просишь поправить, то мы, конечно,
поправим,—
И добрые кисти снова летят по тугим холстам.
...Пылило проселками лето, как будто
зеленое стадо,
На юг уходило куда-то...
Уже и ребятам пора.
И вот чемоданы собрали и все уложили,
что надо.
И Любка их провожала по улице до двора.
Она говорила «спасибо», она приезжать
просила,
Мол, вас не хватает очень, и слышно было
кругом,
Как девичий голос долго летал над Сухоной
синей,
И эхо в простор уносило тревожное слово:
«Ждем!»

МАТЬ

(Поэма)

...И вот решилась. В ту минуту,
Когда сказала: «Ну, пойдем»,
Рябины дрогнули как будто
И зашатались под окном.
Сказала: «Ну, пойдем»— и села.
И не поверила себе.
И показалось, что осела
Со скрипом матица в избе...
Да, верно — матери все могут.
И если нужно сыновьям,
В любую пустятся дорогу,
Чтоб соль и хлеб — все пополам.
...Уже соседки хлопотали —
Дорога все же далека,—
Что взять с собой, а что в подвале
Оставить временно пока.
И говорили с добрым чувством,
Но сыновья им вопреки
И нерешительно, и грустно
Смотрели в эти сундуки.
Что в них хранилось аккуратно?
Холстинка, тканная давно,
Половики в цветастых пятнах,
В заплатках старое сукно.
И стиранные рубашонки.
Их рубашонки — вот те на!
Носили их они, мальчонки,
Когда большая шла война.
Они растерянно стояли,
Не зная, брать или не брать,

Как будто в стареньком подвале
Стояли мальчики опять...
В дорогу мало что собрали:
Зачем же вдаль тащить кули?
В один заход все из подвала
На сохраненье отнесли
К соседке—тетке.
...А корову,
Веревку кинув на рога,
Вели по снегу. И огромно
Качались бурые бока.
Она, беспомощно-немая,
Стараясь что-нибудь понять,
На мать смотрела не мигая,—
И отворачивалась мать.
Как будто бы обман таили
Снега и люди. Каждый шаг
Она ступала боязливо
И спотыкалась, не дыша.
Но тут же окрик раздавался,
Как вица, нависал с боков.
И снег под выменем плескался,
Как пролитое молоко...
Все разнесли и раздали.
Лишь дом остался. Старый дом.
Стоит еще в могучей силе,
Ему еще не страшен гром.
В какой-то сумрачной заботе,
С рябинами наедине,
Как будто говорит: «Придете,
Еще придете вы ко мне.
Куда б ни ехали, повсюду
Средь городских домов-громзд
Я в ваши сны являться буду
И буду звать к себе назад.

Я буду пахнуть сенокосом
И вениками в ваших снах
И петухом звонкоголосым
Пробьюсь в фабричных голосах.
Со мной разделаться не просто.
Хоть низкоросл и темноват,
Я буду виден вам за версты
Из городских домов-громад.
Ведь я — не просто дом, а память,
А ваша жизнь — года, года...
Я знаю, вас еще потянет,
Еще приедете сюда!»
Стоит, как дед стоял когда-то:
Рябина — словно батожок,
И на плече сутуловатом
Не снег, а будто бы мешок.
И это сходство с дедом старым
Впервые поразило мать.
Она сказала: «Нет, не станем,
Ребята, окна забивать.
Грешно, пожалуй. Пусть сверкают.
И веселей соседям так.
А если уж беда какая,
То стекла, право же, пустяк».
И тихо, тихо, незаметно
В поля окрестные ушла.
Там всеохватно и всесветно
Лежит земля, белым-бела...
Земля! Любовью самой первой
Была для матери она
И за восторженную верность
Дарила, щедрости полна.
И выносила, чтоб глядели
Весною только на нее,
Свое цветное рукоделье,
Свое зеленое шитье.

А только осень — чуть хмельная,
Дары грузила на возы
И, вся застенчиво сияя,
Как будто пела: на, возьми!
Она умела обещанья
Свои держать и неспроста
Лишь равнодушья не прощала
И не терпела хвастовства.
Ей, как и матери, не сладко,
Не хорошо жилось порой:
Она в войну была солдаткой,
Потом она была вдовой.
Земля не чья-нибудь, не божья—
Во все концы, во все края
Она до самой дальней пожни
Лежит немислимо своя.
Близка она, как день вчерашний
Как день грядущий, дорога...
Молчат заснеженные пашни,
Молчат холодные луга.
Как будто ждут, что́ в оправданье
Сегодня может им сказать
Перед своей дорогой дальней
Всю жизнь работавшая мать.
Она медлительно, как будто
Что потеряла, к ним идет.
Пушисто вьется первопуток,
И чуть позванивает лед.
И что́ же на сердце творится,
Когда она с землей вдвоем?
Снежинки тают на ресницах
И в сердце падают дождем.
Одним-единственным упреком
Сейчас и можно тронуть мать,
Что постарела раньше срока
И не умела отдыхать.

«Простите вы, родные пашни,
Моя отрада и судьба,—
Выходит, что в просторах ваших
Я сжала все свои хлеба.
Они ко мне из лета в лето
Катили жаркую волну,
И век не думала, что это
Я золотые годы жну...
Простите вы, луга речные,—
Уж покосила я травы
И косу звонкую сточила
До ободка, до синевы...
Прости и ты, березник милый,
Куда любила забрести
И по грибы, и по малину,
И ты, дороженька, прости...
Прости, земля, меня, крестьянку,
Я даже в трудные года
Не выходила к полустанку,
Не ожидала поезда.
Твои пласты, земля, пластала,
Надежды сеяла свои.
И вот — гляди — теперь устала,
Уж не могу — как ни зови...»
...Снежинки гаснут, словно искры,
И вновь летят наискосок,
И падают на материнский
Уже поношенный платок.
И в белом шорохе, чуть слышном,
Душой улавливает мать —
Земля свежо и снежно дышит:
Мол, как тебя не понимать.
Мол, нет к тебе упреков вовсе,
И там, где проходила ты,
Я вскину тяжкие колосья
Как знак ответной доброты.

И, мол, тебя, хозяйка, долго
Мне в этом крае не забыть.
Мол, об одном тревожусь только:
А как же дальше жить и быть?
Я не глухая, не слепая,
Люблю работу — не возню.
Я доброту не забываю
И горечь в памяти храню.
А в памяти моей — послушай!—
Слоями от времен иных
Лежат подзолы равнодушья
И тупоумья валуны.
Ко мне с добром идти — не с речью.
На том стою, тому верна.
И потому я славлю вечно
Союз ладони и зерна!..

А снег все ниже, ветер тише
Летит, былинки шевеля.
И мать душой, конечно, слышит,
Как с ней беседует земля.
...Машина трогается. Иней
По стеклам каплями течет.
Припав скорей к стеклу в кабине,
Мать смотрит, смотрит за плечо.
Бегут цепочкой полосатой
И остаются там, вдали,
Дома, сарай, палисады,
Колодезные журавли,
И черточки прощальных взглядов,
Теплом черкнувшие стекло,
И взмах руки, плеснувший рядом,
И крик, который отнесло.
Мать повлажневшими глазами
В тумане ищет старый дом.
Вон где уже! Далеко сзади.

Рябины — ниточки кругом.
И с каждым мигом еле-еле
Дом различается во мгле,
Как будто он вращается в землю,
Устав держаться на земле.
Мать смотрит пристально и немо,
А позади — уже лесок.
И небо в тучах. Только небо
Плывет над головой. И все!..

ОТЕЦ

(Поэма)

1

Отец купил перед войной
Диван огромный, черный,
Как сани, выгнуто-резной,
Из дерева точенный.
В нем подлокотья завиты —
Ведь надо ж так изладить! —
Как будто конские хвосты
С кручеными узлами.
И тихо радовалась мать,
Цвела, как молодлица,
Что стали избу обставлять,
Добром обзаводиться.
А мама выйдет, я и брат,
Отчаянны и резвы,
Как на игривых жеребят,
На подлокотья лезли.
Отец доволен был. И сам
Тогда возился с нами.
Смотрел на этот шум и гам
Хорошими глазами.
Любил он книги и детей,
На просьбы — добрый, скорый,
Из самоучек грамотей,
Учитель местной школы.
И не менял он ничего
Из вековых понятий.
Не папой звали мы его,
А по-крестьянски — тятей.
Он и не вышел из крестьян,
Радел родному месту.

А этот купленный диван —
Лишь дань интеллигентству.
В прохладе белых вечеров,
План сочинив заранее
И дров посуше наколов,
Он думал на диване.
С покоса возвращалась мать
В переднике нарядном
И, обрядившись, отдыхать
Присаживалась рядом.
Ей было радостно с отцом
В притулье том просторном...
Но вот закат перед лицом
Поднялся красным терном.
Горел так странно в высоте
В тот вечер, что собаки
Завыли вдруг, косясь на те
На огненные знаки.
Им вздрогнуть бы, взглянуть вокруг,
Встревожиться бы надо,
Но не разъять ни губ, ни рук
В порыве безоглядном.
И луч покуда не померк,
Смеялись, обнимались,
Не чуя сердцем, что навек
Той ночью расставались.
Наутро — помню — конский скок,
И крики, и рыданье.
Война!.. И собранный мешок
Белеет на диване.
...Теперь над ним — портрет отца.
Взгляд обращен к застолью.
Я много лет в черты лица
Смотрю с пытливой болью.
Мой взгляд летит в отцовский взгляд,
Задумчивый и строгий,

Как будто судеб перехват
И даль одной дороги.
Смотрю — и словно оживет
В лице подобьем тени
Страда средь волховских болот
И маета ранений.
Смотрю — и смолкшее давно
Вот-вот услышу слово.
С отцовских губ слететь оно,
Мне кажется, готово.
Нет, не узнать — оно о чем.
Я всматриваюсь долго
В отцово правое плечо,
Пробитое осколком.
Оно — поуже, и погон
На нем — как будто скобка.
На голове вполунаклон
Отважная пилотка.
Весь облик, дальний и родной,
Без черточки случайной,
Как ни взгляну — передо мной
Овеян скорбной тайной.
И долго мучило, как звон
Разбитых колоколен,
Название озера, где он
Погиб и похоронен.
Мы не могли связать сперва
В той давней страшной яви
Твои нам чуждые слова,
Ох, Ихантала-ярве.
Название, трудное на слух,
У нас в слезах кипело,
И перехватывало дух,
И в сердце каменело.
И горе в нашу жизнь впряглось.

Мать билась, причитала:
— Ну кто б земельки, хоть бы горсть,
Привез мне с Ихантала...

2

Читать без боли не могу
С войны отцовы письма.
Слова — как люди на бегу,
И как огнища — числа.
В поспешности карандаша,
В его крутых нажимах
Горит солдатская душа,
Победой одержима.
Победа! Далеко она,
А рядом визг осколков,
Свист пуль. И вспучен докрасна
Сугробный, топкий Волхов.
Но встань и Родину закрой
Перед врагами мстью!
И смерть — за смерть, и кровь — за кровь,
А если гибель — с честью!
И добрый, мягкий нрав отца
В том мире довоенном
Твердеет мужеством бойца
И закипает гневом.
Себя ль, себя ль щадить сейчас,
Когда грохочут орды,
Перед славянами кичась
Своим арийством подлым.
И рвутся землю нашу сжечь,
Россию обесславить,
Стереть наш облик, нашу речь,
Историю и память.
Нет, превосходства никогда
Над нами не добиться

«Чистопородным господам»
И всем иным арийцам!
Русь потому и велика,
Что в ней корысти мало.
Русь потому стоит века,
Что братства ей хватало!
Вот враг и дрогнул под Москвой,
Под Ленинградом дрогнет...
И мой отец из боя в бой
Спешит по той дороге.
Я лишь теперь прочесть могу
В намеках тех безвинных
Про Тихвин, Ладогу и Мгу
И Новгород в руинах.
Отец пред нами обнажен
До сокровенной глубины.
И нас подбадривает он,
Сильней, чем прежде, любит.
Но вот последнее письмо.
Нет и не будет больше
Ни в пачке, связанной тесьмой,
Ни в сумке почтальонши.
Она придет еще, придет
К нам с почты, чуть живая,
И схватится за огород,
Как в дом войти, не зная.
И принесет в разноску ту
Уж не письмо в конверте:
В нем запечатают беду —
Прикосновение смерти.
Ох, до разноски той всего
Две грозные недели...
Отец писал, а вокруг него
Бугры громов гремели.
Писал... На скосе уголка
Разорванная пушка.

Из Боевого, знать, листка
Бумаги четвертушка.
Писал — слова теснились вкось
На том закрайке рваном,
Что им — вот радость — довелось
Проехать Ленинградом.
И что его стрелковый взвод
И все подразделение
Уже продвинулись вперед
На новом направленьи.
И все... И карандаш заглох
В том дне далеком летнем.
Но слышу я последний вздох
Над ним, письмом последним.
Сквозь годы слышу. Он глубок,
Отцовский вздох, и горек,
Когда отец свернул листок
В последний треугольник.
Держу его — и тяжело мне.
Вновь сердце — на пределе.
А что же я в том дальнем дне
И чувствовал, и делал?
Июнь. Сорок четвертый год.
Нет мужиков в колхозе.
Лишь мы да матери. Идет
Страда на сенокосе.
И я косою — вжик да вжик
Во тьме цветов, соцветий.
Уж не мальчишка, а мужик
Четырнадцатилетний.
И в час, когда писал отец,
Я, может, в знойном круге
Метал стожище, мокрый весь
И черный от натуги.
Ну что же чувствовать я мог?
Меня хвалили бабы,

А мне свалиться бы под стог,
На полчаса хотя бы.
И вдруг, берестово-бела —
Так огнетала ноша —
С последней вестью прибрела
Немая почтальонша.
Мать опрокинулась от слез,
Дом вздрогнул от обвала.
«Ой, кто б земельки, хоть бы горсть,
Привез мне с Ихантала!»
...Долг, предназначенный тебе,
Не передашь другому.
Подумай о своей судьбе,
Поторопись из дому.
И я в тиши библиотек
По справочникам шарил,
Но средь названий в книгах тех
Нет Ихантала-ярве.
И я в Карелии искал,
В озерном лучезарье,
Но и в краю былинных скал
Нет Ихантала-ярве.
И по Прибалтике бродил
Местами грозных зарев.
Солдатских много здесь могил
Без Ихантала-ярве.
И жизнь моя была б темна
От покаянной муки,
Когда бы рукопись одна
Не обожгла мне руки.
Спасибо вам, фронтовики!
Воспоминанья ваши —
Навек нетленные венки
Солдатам — братьям павшим!
И в душу мне, как в мертвый зной,

Вдруг хлынул свежий ветер:
В пути дивизии одной
Я путь отца заметил.
И карту сразу распростер.
На карте порыжелой
Вскипел осколками озер
Карельский перешеек...

3

И я на Выборг взял билет.
Как дешев он, как дешев!
С таким в траншеи страшных лет
Проедешь ли, пройдешь ли?
Но в путь! Народ под стук колес
Шумел струей вагонной,
А время памяти несло
Струюю законной.
И две струи, как свет и мрак,
Как жизнь и смерть, сближались,
Не совместимые никак,
Во мне пересекались.
Уже погас и Ленинград,
Его дворцы и шпили.
Поселки с дачами в обхват
Багряным садом плыли.
Краснели яблони. Но я
Хотел представить зримо
Не листопад, а вихрь огня,
Не яблони, а взрывы.
И проникал сквозь эту близь
До смертного предела.
В одном окне сияла жизнь,
В другом — война чернела.
Я как из мертвых оживал
В тягучем напряженье.

Так вот он, белофинский вал,
Карельский перешеек!
Вот здесь тщеславный Маннергейм
Средь гиблых поворотов,
Как на гигантской остроге,
Ощерил тыщи дотов.
Любой валун сумел учесть
В системе злобно-хитрой.
Не зря к нему — какая честь! —
Пожаловал сам Гитлер.
Я представлял, как сверху вниз
Сверлил он карту взглядом.
Железный крест его навис,
Трясаясь, над Ленинградом.
Чем наши недруги тесней,
Тем к русским ненавистней.
Для них в безумии страстей
Ничто мильоны жизней.
«Герр фюрер, русси не пройдут,
Мы до победы с вами!»
Гость обнял маршала: «Зер гут» —
И опалил глазами.
И руку вскинул Маннергейм,
Как подхватил ошейник.
И батальоны егерей
Вцепились в перешеек.
Что ж, как в сороковом году,
Так вновь в сорок четвертом
Мы в этом чертовом аду
Пошли бесповоротно.
Пошли опять на тьму преград,
Чтоб вынужденным шквалом
Обезопасить Ленинград
На том пространстве малом.
Пошли, чтоб Выборг вновь вернуть
Накатистым ударом...

Я примечал отцовский путь
Лишь по селеньям старым.
Крутилась Райвола, как вихрь,
Дымились Мустамяки.
Названья мягки, только в них
Взревела сталь атаки.
Вот Кутерселькя в рвах крутых,
Вот в надолбах Перкярви.
Названья тихи, только в них
Столкнулись громы армий.
И грудью в грудь вставляли здесь
И падали солдаты.
На переплеты черных рельс
И рыжие накаты.
На взъём шоссе, в трясины мхов,
На прозелень опушек,
На проволоку в пять колов
И навзничь от «кукушек».
Вон сквозь озерный голубец
Из скрытого обхода
На дот, быть может, мой отец
Метнулся с горсткой взвода.
Успел ли он из-под огня
За валуны приткнуться?
Солдат, взгляни! Но на меня
Ему не оглянуться.
Он далеко... В аду войны
Не слышно человека.
Мелькнув, упал за валуны
С предсмертного разбега.
И тишина. И холмик там
Среди раскатов гула.
Оттуда по моим глазам
Лишь сосенка скользнула.
Мне стужа сердце замела...
Но наконец — и Выборг.

Тянулись в небо купола
Под голубиный выпорх.
И с высоты глядел в залив,
Гдеплыли наши флаги,
Петр Первый, руку приспустив
К эфесу вечной шпаги.
И в парках, листьями звеня,
Сходился люд помалу.
Манила всюду жизнь. Но я
Рванулся к Иханталу.

4

И вот последний перевал —
Последний в небе сером!—
Меня всего — до пят — обжал
Своим гранитным ветром.
И по камням, как взгорбьям льда,
Сдирая мох корявый,
Я заскользил туда, туда,
Вниз — к Иханталу-ярве.
Оно средь множества озер,
Уже в пути мелькнувших,
Таилось в скалах с грозных пор
Безлюдней всех и глуше.
Еще невидимое мне
В лесистом междугорье,
Прошло ознобом по спине,
Качнулось жаром в горле.
И вдруг блеснуло, как сполох,
Сквозь навесную хвою,
К ногам прихлынуло врасплох
Тяжелой синевою.
Я обмер. Будто в берег врос.
Так вот оно какое!

Темнело чашей вдовьих слез
В своем взрывном покое.
Белели чайки лишь окрест
Да сосны зеленели...
Я перед скорбью этих мест
Свалился на колени.
— Отец, ты слышишь ли меня?—
К песку припал в печали.
Каменья, душу леденя,
Молчанье источали.
Лишь сосны, как ответ земли,
С озерных косогоров
Над головою пронесли,
Похоже, тихий говор.
И в нем — как слабый ветерок,
Далекий, вологодский:
«Что задержался-то, сынок?»—
Провеял вздох отцовский.
И я в шуршание песка
Шептал, теряя силы:
— Прости, что долго я искал,
Тебя мы не забыли.
Отец, промолви, где лежишь?..—
Но мой вопрос напрасный
Унес встревоженный камыш
В озерное безгласье.
Поди ищи теперь следы
Могил, давно заросших,
В песках сырых, во мхах седых,
В траншейных ржавых толщах.
Иль, может, на озерном дне,
Иль в тесноте обвала,
Иль в братских, выросших поздней
Холмах мемориала.
Никто не скажет — где. Но здесь
Отец мой похоронен,

Где сосны вскинули навес
Подобьем колоколен.
Они могуществом корней
Сплели такую завязь,
Что там, в потемках смертных дней,
Теперь отца касались.
И я, его живой двойник,
Хотел такого чуда,
Чтоб голос мой туда достиг,
Отцовский зов — оттуда.
В дыханье сосен, мокрых мхов,
В былинке, мной примятой,
И вправду я услышал зов,
Лишь только сердцу внятный.
Я встал с колен, глаза отер,
Пошел, внимая зову,
К шоссе, открывшему простор,
К болотному низовью.
А там в кочкарнике глухом,
Как снежные полосы,
Росли над каждым валуном
Плакучие березки.
Они ожгли мои глаза
Прощальным листопадом,
И я расслышал голоса,
Провеявшие рядом:
«Здесь под свинцовым сквозняком
Мы за Россию пали
И поднялись березняком,
Чтоб люди вспоминали».
Я застонал у тех берез
В невыносимой печали.
И дрожью озеро взялось,
И чайки закричали.
Здесь под листвою не видно троп.

Я сделал шаг поспешный
И ухнул в каменный окоп —
Во мрак войны кромешный.
Свалила боль, пронзил испуг,
И холод — как в могиле,
И немота — как будто вдруг
Тебя все позабыли.
Не встать, не выйти, не взглянуть
На белый свет вовеки.
И сквозь твою проступят грудь
Из-под земли побеги...
Что боль моя пред болью той —
В страдании предсмертном!
А жив ли тот, кто встретил бой
Вот здесь, в окопе этом?
И кто он был и где теперь?
О нем — нигде ни слова.
Попробуй подвиг тот измерь
Солдата рядового!
Я встал из мрака и воды
И увидал, что рядом
Ходы, траншейные ходы
Чернели ряд за рядом.
И маету тех страшных дней,
Сраженье за сраженьем
Увидел в подлинности всей
Уже окопным зреньем.
Вон два холма и взъем крутой
В отеках скальной сини.
Меж них шоссе — подать рукой,
А мы — в сырой низине.
Но надо было взять холмы,
Дорогу перерезать.
За взводом взвод бросали мы
На крепость из железа.

И не из этих ли траншей
По волевому знаку
Отец, сурово построжев,
Солдат повел в атаку?
Опять отвагу покажи,
Уйми и страх, и нервы,
И на огонь, штыки, ножи
Встань, взводный, самым первым!
Он полз с решительным лицом,
Готовился к мгновенью.
И мнилось мне, что за отцом
Скольжу я поздней тенью.
Прицельно били егеря,
Низина грохотала.
Чадил, стропила завихря,
Поселок Ихантала.
И дым траншеи заволок,
Спасителен и горек.
В нем — только промельки сапог
Да мокрых гимнастеров.
И только мне была видна
Прикрытая осокой
Спина, отцовская спина
В поту войны жестокой.
Он подтянул поближе взвод,
Взмахнув, привстал с гранатой
И — на дорогу, и — вперед,
Вперед на взъём проклятый!
Гнездо прикрытья сметено,
Другое — захлебнулось...
И вдруг кровавое пятно
В глаза мои метнулось.
Оно росло, росло, росло
В гуденье, крике, вое,
Кружилось, будто колесо
Кроваво-огневое.

И все красней, и все больней,
Свет белый заливая,
По мне катилось, по земле,
Вдаль без конца и края.
И горе плачами неслось,
Сама земля сгорала.
Очнулся я... Ах, свет берез
Над синью Ихантала!
Поселка нет. Спален дотла.
Кустарник лишь теснится.
Я вспомнил мать. Она ждала
Отсюда горсть землицы.
Что взять со скального ребра
И кочек обомшелых?—
Студеных камушек набрал
Со дна сырой траншеи.
Нелегко этот узелок
На память с Ихантала.
И к озеру наискосок
Спустился я устало.
Оно тоскою разлилось.
Сквозь тихие затоны
Поднял соцветия рогоз,
Как черные патроны.
Я вскинул пригоршню с водой,
Чтоб в горести умыться,
К солдатской памяти святой
Душою причаститься.
Стоял, не обтерев лица,
Забыв себя и время.
И облегченный вздох отца
Живым листком провеял.
Провеял, слышимый чуть-чуть,
И в шири поднебесной
Открылся весь отцовский путь —
Тяжелый, долгий, честный.

И облик, близкий и родной,
Без черточки случайной,
Так чист, так ясен предо мной
Вот здесь, в тиши печальной.

5

Я — в дом, а мать — ко мне на грудь,
Как из тумана — к свету.
Так заждалась — не продохнуть,
Устала — мочи нету.
Ей все казалось: вот вернусь
Да сяду рядом с нею,
И отведу тоску да грусть,
И в сердце мрак рассею.
О, мать! Усядемся давай
Без чайной канители
На старый памятный диван,
Где вы с отцом сидели.
Ну, слушай верный мой рассказ,
Пусть сбивчивый вначале,
О слишком горестном для нас,
Далеком Ихантале.
У ней тревожно-светлый вид.
И зорче все и выше
Она, внимая мне, глядит
Вдаль за родные крыши.
За поле ржи, за край земли,
Где вольно ветродую,
И видит озеро вдали,
Как братину седую.
Там общий памятник стоит.
Там в скорбный ряд с другими
Я на одну из многих плит
Занес отцово имя.

Одну строку меж тысяч строк,
Но ведь — из тьмы безгласной!
И положил туда венок
От нас зелено-красный.
Венок — под именем — ветвист!
И чуткие березки
Легко роняют желтый лист
В глубокий сон отцовский...
Ко мне, прижавшись, плачет мать,
Дрожат сухие плечи.
И на портрет глядит опять,
Отцово имя шепчет.
А материнскую ладонь
Мой узелок оттуда
То обжигает, как огонь,
То режет, как остуда.
Глухие камни — и они
Вот даже малой горсткой
Являют грозный лик войны
Своею правдой жесткой.
А за окном хлопочет жизнь,
Забыв былые беды...
Над всеми войнами взметнись,
Всемирный свет Победы!

СОДЕРЖАНИЕ

I

«С Ярославского вокзала...»	6
«Домой, в деревню, издалёка...»	8
Материнское одеяло	9
Полотенце	10
«По рыжики не выбраться ли нам?..»	12
Мать перед портретом отца	14
Смотрю опять	15
Анна	16
«Когда он сказал: «А ну, потесней!»...»	18
Посвящение в родню	20
Колесо родства	22
Север	24
Дождь	27
Копылово	29
Блудный сын	31
Отогреваем дом	32
«Пятистенок, снегами зажатый...»	34
Счастливый человек	35
Колодцы	36
Время	38
Поле	40
«Красной копной на пригорке...»	41
Сеновал	42
«Ах, Родина»,— я тихо произнес...»	44
Бабкин сын	45
Старая боль	47
Спокойное утро	50
«Еще на небе было чисто...»	51
Поземка	52
«Дураки потешили народ...»	58
В гостях на Сукманице	59
Старик	61
Байка	62
Ель	63
Здравствуйте!	64
Народная речь	65
Марья	67
Красные тучи	69
Изба	70

Старик и старуха	72
Тревога	74
«В середине веселого мая...»	78
Осинки	79
Ключи	80
Столбы	82
«Раздалась гармонь — ах, боже!..»	84
Босиком по земле	86
Совість	87
Гостинец	89
«И младший сын уже оставил дом...»	90
Русская печь	91
Дочери	92
«Хоть солнце и зашло уже...»	93
Разговор	94
Просеки	95
Самовары	97
Жеребенок	100
«Тревожно, и сладко, и грустно...»	102
Две реки	103
Лето	105
Сидит старик на мельнице	106
Гора	107
«Лес впитывал сумерки, прятал...»	109
Горностай	110
Наст	111
«Земля отцов и дедов, та земля...»	112

II

Разговор с художником Корбаковым	114
«Иконописец-вологжанин...»	116
Радуги дней	118
Мед	119
Петр Великий	121
Константин Батюшков в Париже	123
Народный музей	125
Еня	127
Засодимский	129
Александр Яшин	131
1. Улица	131
2. Встреча	132
3. На Бобришном угоре	132
4. «Угощаю рябиной»	133
В гостях у Павла Беяева	135

Калина	138
Киножурналы	139
По воле нашего парткома	141
«И было то, и это было...»	143
Переключка	144
«У живущих лица — не лики...»	146
Сторожевой луч	147
Печка	148
«За окном всю ночь кипело...»	150
Завещание	153
Память	155
«Самолет охапку грома...»	156
«Его осанка, подбородок, взгляд...»	157
Ничей	158
«Здесь мельница была...»	160
«Свои раздумья темный лес...»	161
«Схватив корзины, ведра, рюкзаки...»	162
Масленица	163
Совет	165
Печали	166
«Пройдет и это, как сказал поэт...»	167
Дождинка	168
Слава	169
Работа	170
Телеграммы	171
Друзья	173
«Ветры с севера подули...»	175
«Бывает, ельниками еду...»	176
«Для черствого сердца...»	178
Старый сад	179
Уроки	181
Кулиги	182
«Спят меня у теплой лавочки...»	183
«Седину носить не стыдно...»	184
«Время будит... Звон часов...»	185
«Всего на свете хуже...»	186
«Печений горы целые...»	187
«Я иду зеленым полднем...»	188
«Имена становятся отчеством...»	190

III

«Мы — как дерево ныне...»	192
Грани	193
Гармонь	195

Сухона	198
Африка	202
«Сойдешь на тихом полустанке...»	205
«Развернулись — да вниз по Енисею!...»	207
У Атамановых скал	209
Чтоб стать собою	211
В Овсянке	213
Лебеди	216
На Угрюм-реке	218
Коми му	220
«С ней хотя и коротко знакомы...»	221
Тракайские озера	222
«Без отпуска всю жизнь и без простоя...»	224

IV

«Меня, себя заденешь ли...»	226
«Ты неожиданно и негаданно...»	228
О тебе	231
«И вот наконец окупались...»	233
«До чего же я зависим...»	235
Три лета	236
«Как услышу я знакомый говорок...»	238
В автобусе ехала женщина	239
Куст иван-чая	241
«Пою-у»	242
Пляска	244
«Что красноводье поздняя брусника...»	245
В грозу	246
Женщина	247
«Картошку девушка копает...»	248
Рябины	249
Зимнее утро	251
«Майский лес галдит, кукует...»	253
Девчонки	254
«До праздника задолго...»	256
«Есть красота всевластная...»	258
Трое	260
Знаки	261
За самоваром	264
Ночная сказка	265
Тетерев	267
«Мы только вместе посидели...»	269
«Ты что-то мне напомнила, рябина...»	270
«Ах, свадьбы шумные! Едва ли...»	271

«В молчанье я стою один...»	273
Художники (Поэма)	274
Мать (Поэма)	289
Отец (Поэма)	297

**Александр Александрович
Романов**

РУСЬ УХОДИТ В НАС
Стихотворения и поэмы

Редактор *Р. Постоянцева*
Художник *Н. Костина*
Художественный редактор *Е. Андреева*
Технический редактор *В. Соколова*
Корректор *В. Дробышева*

ИБ № 4484

Сдано в набор 14.01.87. Подписано к печати 17.07.87. А 07618.
Формат 70×90/32. Гарнитура литерат. Печать офсет. Бумага
офсет № 1. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 65,52. Уч.-изд. л.
11,21. Тираж 25 000 экз. Заказ 254. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и
Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское
шоссе, 62.

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управ-
ления издательств, полиграфии и книжной торговли Вол-
гоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.